

УДК 94:323.27(55)

А. Г. Марьясов

*эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай»,
Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посол Российской Федерации
в Исламской Республике Иран с 2001 по 2005 г. (Москва, Россия),
e-mail: alexander.mariyasov@gmail.com*

Иран 1979 года: командировка в революцию

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются причины и ход Исламской революции в Иране в 1979 г. 1 февраля 1979 г. в страну вернулся опальный аятолла Р. М. Хомейни, который взял власть в свои руки. Революция 1979 г. была серией событий, приведших к свержению династии Пехи при шахе Мохаммаде Реза Пехлеви. Ее активно поддержали различные исламистские и левые организации и студенческие движения. Исследование различных аспектов развития Ирана того времени помогает объективно оценить уникальность и актуальность его опыта с точки зрения поисков оптимальных для каждой страны вариантов развития, а также взаимосвязей с мировым сообществом.

Материалы и методы. Основу исследования составили материалы СМИ Ирана. Проведен анализ публикаций ведущих иранских средств массовой информации того времени. Освещение бурных потрясений глазами очевидцев существенно расширит наши представления о тех событиях.

Обсуждение и заключение. Иран – многонациональное государство с ярко выраженной исламской шиитской традицией, в которой до сих пор частично находят воплощение принципы древнеперсидской культуры. Падение шахского режима и приход к власти духовного сословия, не ассоциировавшегося со стремлением к прогрессу, отразило стремление революционных сил создать в Иране такую социально-экономическую модель, которая учитывала бы национальные и религиозные особенности. Созданная исламская форма правления в Иране (Исламская Республика Иран) имела своей целью привести в соответствие культурное наследие, исламские традиции и потребность в модернизации.

Ключевые слова: Иран 1979 г., исламская революция, аятолла Р. М. Хомейни, свержение династии Пехи, шах Мохаммад Реза Пехлеви, Письмо С. Готбзаде.

Для цитирования: *Марьясов А. Г.* Иран 1979 года: командировка в революцию // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 4. С. 381–416. DOI: 10.15507/2078-9823.064.023.202304.381-416.

© Марьясов А. Г., 2023

Alexander G. Maryasov

Expert of the Valdai International Discussion Club, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Ambassador of the Russian Federation to the Islamic Republic of Iran from 2001 to 2005 (Moscow, Russia), e-mail: alexander.maryasov@gmail.com

Iran 1979: Mission to Revolution

Abstract

Introduction. The article examines the causes and course of the Islamic Revolution in Iran in 1979. On February 1, 1979, the disgraced Ayatollah Khomeini returned to the country and took power into his own hands. The 1979 revolution was a series of events that led to the overthrow of the Pehi dynasty under Shah Mohammad Reza Pahlavi. It was actively supported by various Islamist and leftist organizations and student movements. The study of various aspects of the development of Iran at that time helps to objectively assess the uniqueness and relevance of its experience in terms of searching for optimal development options for each country, as well as relationships with the world community.

Materials and Methods. The study was based on Iranian media materials. An analysis of the publications of the leading Iranian media of that time was carried out. Covering the violent upheavals through the eyes of eyewitnesses will significantly expand our understanding of those events.

Discussion and Conclusion. Iran is a multinational state with a pronounced Islamic Shiite tradition, in which the principles of ancient Persian culture are still partially embodied. The fall of the Shah's regime and the rise to power of the clergy, who were not associated with the desire for progress, reflected the desire of the revolutionary forces to create in Iran a socio-economic model that would take into account national and religious characteristics. The created Islamic form of government in Iran (Islamic Republic of Iran) was intended to harmonize the cultural heritage, Islamic traditions and the need for modernization.

Key words: Iran 1979, Islamic revolution, Ayatollah Khomeini, overthrow of the Pehi dynasty, Shah Mohammad Reza Pahlavi, Letter to S. Gotbzadeh.

For citation: Maryasov A. G. Iran 1979: Mission to Revolution. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2023; 23(4): 381–416. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.064.023.202304.381-416.

Введение

Из четырех служебных командировок в Иран мне больше всех запомнилась вторая, по времени совпавшая с уникальными революционными событиями в этой древней и имеющей богатейшее историческое и культурное наследие стране. Мне посчастливилось оказаться в эпицентре бурных перипетий, драматически изменивших ход истории Ирана, стать очевидцем небывалого подъема революционного духа и бескомпромиссной решимости миллионов людей покончить с авторитарным деспотизмом и освободиться от иностранной зависимо-

сти, построить справедливое демократическое государство.

Иранскую революцию 1979 г. в СССР назвали антиимпериалистической, в Европе – демократической. В самом Иране она была объявлена Исламской. При всей справедливости вышеуказанных характеристик Иранская революция прежде всего была народной. В ней приняли активное участие представители практически всех слоев и групп населения независимо от их политических и идеологических взглядов, этнической и религиозной принадлежности. Сплоченные единой целью и волей к

победе, они быстро сломали сопротивление шахского режима с его вооруженной до зубов армией, разветвленной сетью тайной полиции САВАК и, казалось бы, безусловной поддержкой США.

Однако сразу же после свержения монархии выяснилось, что разные участники революции ставили перед собой разные цели на послереволюционный период, по-разному видели будущее страны. Буржуазно-националистические круги поддерживали превращение Ирана в парламентскую республику и сохранение действовавшей Конституции с небольшими изменениями. Леворадикальные организации и группировки выступали за более серьезные перемены – превращение страны в демократическую республику с сильными элементами народовластия. Представители этнических меньшинств рассчитывали на укрепление местной автономии и расширение своих прав. Однако решающее воздействие на определение будущего государственного устройства и организацию власти в стране оказала революционная часть иранского духовенства, которое возглавлял харизматичный и бескомпромиссный лидер – великий аятолла Рухолла Мусави Хомейни.

В отечественной историографии распространены два основных подхода к описанию основ Исламской революции 1979 г. Первый строился на предположении, что причина революционной ситуации в Иране заключалась в ее социальной форме, т. е. в стремлении иранского народа избавиться от авторитарного принципа организации власти в стране, представленного монархией «династии Пехлеви», который установился в 1960-х гг. По этой причине произошла антиимпериалистическая и антимонархическая революция. Представителями данного подхода являлись С. Л. Агаев [1; 2], С. М. Алиев [3; 4], А. З. Арабаджян [5; 6], Н. А. Кузне-

цова [8], А. М. Мустафабейли, У. З. Шарипов, А. П. Шестаков [13] и др. Данная консолидированная точка зрения на предпосылки, ход революционных событий и последующую историю Ирана представлена в изданной в 1989 г. Институтом востоковедения АН СССР коллективной монографии «Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки» [7]. Стронники второго подхода – З. А. Арабаджян, А. Б. Резников [10] и Л. Е. Складаров, И. В. Добровицкий – предполагали, что события 1978–1979 гг. в Иране базировались скорее на идеологической, нежели социальной, основе и не могли называться «революцией», представляя собой реакционный переворот последователей аятоллы Р. М. Хомейни.

Отдельным сторонам Исламской революции 1979 г. в Иране, а также сложившемуся в результате политическому строю посвящены работы И. Р. Гибадуллина, Н. Д. Кулюшина, В. Н. Пластуна [9], В. И. Юртаева и Н. А. Филина [11; 12]. В англоязычной литературе проблемам Исламской революции и последующему историческому развитию Ирана посвящен значительный массив научных исследований, представленный монографиями Э. Абрахамияна, А. Арджоманда, М. Дорраджа, Н. Кедди, Э. Хугланда и Ш. Чубина, а также работами Н. Алгара, Х. Ансари, М. Байата, М. Ван ден Боса, Х. Рази, Я. Ричарда, Г. Роуза и А. Тахери. Среди персоязычных исследователей проблеме Исламской революции 1979 г. посвящены работы М. Р. Дэхшири, Д. Фирузабади, С. Джалала и Р. Зебхи, Дж. Карими и А. Р. Хамиди, а также Г. Р. Пархизкара.

Возвращаясь к событиям более чем столетней давности, я старался проследить развитие революционной ситуации в стране, восстановить в памяти наиболее яркие и запомнившиеся эпизоды как самой Иранской революции, так и последующей

драматической борьбы за власть и будущее страны между ее участниками.

«Все хорошо, прекрасная маркиза»

Осенью 1976 г. я приехал в Иран во вторую служебную командировку в качестве третьего секретаря советского посольства в Тегеране. С конца 1960-х гг. город сильно изменился. В центральной части появилось множество высотных зданий из стекла и бетона, где разместились министерства и ведомства, банки и страховые компании, офисы западных фирм. В северных районах выросли роскошные жилые дома, виллы и особняки, архитектура которых нигде не повторялась. Столицу Ирана охватил массовый строительный бум. Сооружались продовольственные супермаркеты и торговые центры, кинотеатры, больницы, дорожные развязки и объекты инфраструктуры. Город уже начал задыхаться в автомобильных пробках.

По вечерам центр и север Тегерана охватывала цветная лихорадка многочисленных неоновых витрин и рекламных билбордов. В многочисленных ресторанах, танцевальных клубах и караоке-барах допоздна звучала музыка на любой вкус. Так давал о себе знать пролившийся на Иран в начале 1970-х гг. нефтедолларовый дождь после многократного повышения мировых цен на нефть. Однако столь разительные перемены коснулись далеко не всех граждан. Контрастом зажиточному и процветающему центру и северу столицы служили мрачные трущобы и глинобитные дома южной части Тегерана, где люди по-прежнему жили в нищете и антисанитарии. Здесь нельзя было встретить роскошные автомобили с ухоженными и одетыми в мини-юбки женщинами за рулем. Их появление вызвало бы недоуменные взгляды местных женщин и девушек в черных чадрах, закрывающих всю фигуру, а также саркастические высказывания лиц мужского пола.

Многочисленный дипломатический корпус Тегерана, представленный почти

сотней иностранных посольств и миссий, вел активную и весьма насыщенную жизнь. Дневные фуршеты и коктейли сменялись вечерними приемами и ужинами. Протокольных мероприятий хватало не только послам и старшим дипломатам, но и посольской молодежи. Большой интерес и внимание к иностранным дипломатам проявляли не только официальные лица, но и многие представители местной аристократии, деловых и предпринимательских кругов, деятели культуры и искусства. Они регулярно приглашали дипломатов на всевозможные встречи, поиграть в теннис и гольф, поохотиться. Запомнились вечеринки, которые устраивал для сотрудников советского посольства иранский обувной король, владелец фабрик «Кяфше Мелли» Рахим Ирвани, наладивший активную торговлю обувью с нашей страной. На большом, аккуратно подстриженном газоне его загородной резиденции, обрамленном высокими деревьями, были расставлены палатки с разнообразными закусками и напитками, над которыми царил дразнящий запах шашлыка.

Весьма насыщенной была и культурная жизнь иранской столицы. Новые иностранные фильмы, главным образом американские, появлялись в кинотеатрах чуть ли не на следующий день после премьерных показов в западных столицах. В Иран регулярно приезжали на гастроли известные зарубежные музыкальные и театральные коллективы и исполнители, выступавшие в новом, прекрасно оформленном черным мрамором концертном зале «Рудаки», расположенном рядом с советским посольством. По приглашению иранской стороны там постоянно работали с иранскими танцовщиками балетмейстеры Большого театра. Популярный советский певец М. Магомаев побывал в Иране по личному приглашению шахини Фарах Пехлеви, иранской азербайджанки по происхож-

дению. Известный советский футболист И. Нетто долгое время тренировал сборную команду Ирана по футболу. Большим успехом у иранцев пользовались местные театры, ставившие мелодрамы из народной жизни, а также музыканты и певцы. Особую популярность приобрела певица Гугуш.

Официальная общественно-политическая жизнь страны концентрировалась вокруг провозглашенной шахом Мохаммадом Реза Пехлеви идеи построения в Иране «великой цивилизации». В качестве средства ее достижения иранский монарх инициировал проведение «Белой революции» – серии реформ в области промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения и благоустройства, которые были призваны превратить страну в успешную и высокоразвитую региональную державу. Вместе с тем шах жестко сдерживал развитие любой политической инициативы «снизу». Полностью контролируя деятельность правительства и обеих палат парламента (меджлиса и сената), он инициировал создание единой для всех иранцев партии «Раствахиз» («Возрождение»), которая функционировала на основе его указаний и решений.

В то время любому приезжему бросалось в глаза большое число иностранцев, прежде всего американцев. В Иране находилась многочисленная военная миссия США, которая обеспечивала в первую очередь бесперебойную поставку новейшего американского вооружения и военной техники. Десятки тысяч американских советников работали практически во всех иранских министерствах и ведомствах, пользуясь при этом дипломатическим «иммунитетом». В Тегеране функционировали огромный культурный центр, госпиталь, радиостанция, школа и другие американские заведения. Иранская аристократия и зажиточные слои населения охотно копи-

ровали американский образ жизни, получали образование в США и отправляли туда на учебу детей. Американцы чувствовали себя в Иране как дома. Им, да и не только им, казалось, что так будет и дальше. Нелучайно президент США Джимми Картер во время визита в Тегеран в январе 1978 г. назвал Иран «островом стабильности» в окружающем его беспокойном море.

Мало кто придавал значение уже прозвучавшим первым тревожным для властей звонкам. Так, в Тегеране члены леворадикальной «Организации партизан-федаинов иранского народа» (ОПФИН) совершили несколько терактов против американских военных советников. В пос. Сияхкаль северной иранской провинции Мазандеран федаины совершили нападение на полицейский пост. В Тегеранском и других университетах страны распространялись листовки федаинов и левой «Организации моджахедов иранского народа» (ОМИН) с призывами к борьбе с шахским режимом.

Еще один обличительный голос звучал из иракского Неджефа. Опальный аятолла Р. М. Хомейни, изгнанный шахом из Ирана в 1964 г. за критику «Белой революции» и предоставление американским советникам освобождения от иранской юрисдикции, резко критиковал проамериканскую политику шахского режима и призывал к свержению монархии. Эти высказывания тонули в бравурных реляциях шахской пропагандистской машины и тщательно заглушались правоохранительными органами и тайной полицией САВАК. Основная масса населения, верившая обещаниям лучшей жизни, еще не была готова к активным протестным выступлениям против режима, хотя тексты проповедей Р. М. Хомейни, записанные на кассетах, уже доходили до теологических центров Кума, Исфохана, Тебриза и Мешхеда и распространялись среди семинаристов.

«Остров стабильности» не так стабилен

Многokратный рост цен на нефть сыграл злую шутку с шахским режимом. Массированные денежные вливания в экономику привели к ее «перегреву». Транспортная и экономическая инфраструктура оказалась не готова быстро освоить новые крупные капиталовложения. Не хватало квалифицированных рабочих и специалистов, которых приходилось приглашать из-за границы за баснословную заработную плату. Перекосы в проведении аграрной реформы вели к разорению иранских крестьян, которые стали пополнять ряды городских люмпен-пролетариев. Резко взлетели цены на продовольствие и товары первой необходимости. Стремительно рос разрыв между сказочно обогатившейся аристократией, компрадорской буржуазией и остальными слоями населения.

При всем благосклонном отношении США и других западных стран к социально-экономической политике шаха они проявляли беспокойство по поводу жесткого нарушения Тегераном прав и свобод иранцев. Особенно чувствительна к этому вопросу была администрация президента Дж. Картера. Под его влиянием шах в начале 1977 г. разрешил гражданским адвокатам защищать гражданских лиц в военных трибуналах, несколько ослабил контроль за иранскими СМИ.

Этим не преминули воспользоваться представители различных профессиональных организаций иранской интеллигенции, политических партий и группировок. В мае 1977 г. более 30 адвокатов направили министру шахского двора петицию с требованием разрешить свободное отправление правосудия. В июне того же года руководители буржуазно-националистической организации «Национальный фронт», у истоков которой стоял свергнутый американцами и англичанами демократически избранный в 1953 г. премьер-министр Мохаммед Мос-

садык, посмевавший национализировать иранскую нефтяную промышленность, призвали шаха восстановить свободу печати, соблюдать иранскую Конституцию, принятую по итогам конституционного движения 1905–1907 гг., а также освободить политических заключенных. Более 100 писателей, юристов и других представителей интеллигенции подписали письмо премьер-министру Амиру Аббасу Ховеjde с требованием проведения демократических реформ. Летом 1977 г. был образован Национальный комитет по защите прав и свобод населения. Были воссозданы распущенные ранее профессиональные союзы юристов, писателей, преподавателей Тегеранского университета. В ноябре 1977 г. в Институте Гёте и Технологическом университете «Арья Мехр» состоялась серия политических чтений, превратившихся в акции осуждения репрессивных действий шахских властей в отношении иранских диссидентов. К протестным акциям интеллигенции стали подключаться представители духовенства.

Поводом для одного из самых первых антиправительственных выступлений духовенства стала внезапная смерть старшего сына Р. М. Хомейни, Мустафы, в октябре 1977 г. По Ирану быстро распространились слухи, что он был убит агентами САВАК по прямому приказу шаха. Вплоть до конца года в Куме и Тегеране продолжались стихийные демонстрации и митинги протеста, которые все чаще стали ассоциироваться с именем Р. М. Хомейни. 4 января 1978 г. в центральной тегеранской газете «Эттелаат» была опубликована инспирированная правительством статья, в которой великий аятолла был назван английским шпионом и «гомосексуалистом индийского происхождения». Возмущенные сторонники Р. М. Хомейни отреагировали организацией еще более многочисленных демон-

страций в Куме. В знак протеста закрылся тегеранский базар – сердце торгово-деловой жизни столицы. Правоохранительные органы применили оружие. Было убито более 70 и ранено свыше 400 демонстрантов.

Этими действиями властей был запущен механизм шиитской традиции поминовения мучеников на 40-й день после их гибели. В феврале 1978 г. траурные церемонии по погибшим в Куме прошли уже в 10 городах Ирана, а в марте – почти в 60 городах и населенных пунктах. Новые жертвы продолжали раскручивать маховик протестных выступлений, которые становились все более массовыми и радикальными, постепенно превращаясь в тактику революционного движения. В них стали участвовать не только священнослужители и учащиеся теологических школ, но и представители самых различных слоев населения.

Идейные предвестники революции

Весомый вклад в развитие революционных настроений среди иранской молодежи внесли популярные леводемократические философы Джалал Але-Ахмад и Али Шариати.

Д. Але-Ахмад занимался литературной и публицистической деятельностью, был активным функционером сначала Народной партии (Туде), а затем – Национального фронта. Анализируя общественно-политическую жизнь шахского Ирана, он пришел к выводу, что главным препятствием на пути развития страны является ее сильная политико-экономическая и культурная зависимость от западных стран, прежде всего США. Джамал Але-Ахмад отмечал, что слепое копирование западной модернизации, отказ от национальной идентичности, игнорирование культурных традиций страны могут привести к потере национального суверенитета и колониальной зависимости

от Запада. Он считал, что противостоять губительной вестернизации страны может только шиитский ислам. Ни одна другая религия, идеология или философия не могут так объединять и мотивировать людей на борьбу за независимость и за свои права. По его мнению достижение этих целей возможно только через радикализацию ислама, усиление его политической активности. Свои политико-философские идеи Д. Але-Ахмад изложил в книге «Отравление Западом», ставшей настольной книгой революционной молодежи.

На выводы этого иранского философа, умершего задолго до начала революции, не мог не обратить внимание и не взять на вооружение Р. М. Хомейни, поскольку они во многом совпадали с его пониманием роли духовенства в формировании будущего государственного устройства Ирана. Аятолла часто использовал тезисы Д. Але-Ахмада в своих выступлениях и заявлениях.

Еще более популярным пропагандистом левоиисламских взглядов был А. Шариати. Будучи не против модернизации Ирана в принципе, он разделял мнение Д. Але-Ахмада об опасности «вестернизации» иранского общества и превращения Ирана в колониальную страну. А. Шариати привнес больше модернизма и радикализма в понятия ислама, истории ислама, исламской культуры. Он считал, что у шиизма есть своя идеологическая основа, историческая философия, своя повестка, своя миссия и политическая стратегия. Заявлял, что ислам является революционной силой, а духовенство, согласно шиитской традиции, должно активно участвовать в политической и социально-экономической жизни общества. А. Шариати подчеркивал необходимость вернуться к подлинному исламу – исламу пророка Мухаммеда, его зятя имама Али и членов его семьи, защищавших идеалы свободы, социальной справедливости и человеческого до-

стоинства. Их жизнь и борьба, по мнению Али Шариати, – образец для подражания и ключ к решению всех проблем Ирана. Он противопоставлял политически активный, революционный «красный ислам» пассивному и догматическому «черному исламу».

А. Шариати внезапно скончался в Лондоне за два года до революции в Иране. Однако его идеи серьезно расширили социальную базу революционного движения, вдохновляли иранскую молодежь на решительную борьбу с шахским режимом и американским засильем.

Рубикон перейден

19 августа 1978 г. в Абадане вспыхнул пожар в кинотеатре «Рекс», погибло более 400 чел. Власти обвинили в поджоге «врагов режима», однако общественное мнение посчитало это делом агентов САВАК. Трагедия лишь усилила массовые протесты.

Пытаясь снять нарастающую напряженность, шах назначил новым премьер-министром бывшего председателя сената Джафара Шарифа-Имами, выходца из известного религиозного клана. Чтобы завоевать расположение духовенства – влиятельной политической силы, новый премьер-министр отменил введенный шахом календарь, бравший отсчет от основания Сасанидской империи, и вернул прежний лунный календарь, закрыл казино и ночные клубы, ликвидировал Министерство по делам женщин, учредил Министерство по вопросам религии, освободил из тюрем ряд религиозных деятелей. Он также отменил цензуру печати, разрешил деятельность политических партий. Но эти запоздавшие уступки уже не могли удовлетворить участников нараставшего протестного движения, которые выдвигали все более радикальные требования.

4 сентября 1978 г. празднование окончания религиозного поста священного ме-

сяца мухаррам превратилось в массовую антиправительственную демонстрацию в Тегеране с участием более 100 тыс. чел. Протестные выступления продолжались не только в столице, но и в других городах. Все громче звучали антишахские лозунги, скандировалось имя Р. М. Хомейни как безоговорочного лидера революционного движения.

Напуганный массовым характером антирежимных выступлений, шах 7 сентября ввел в Тегеране военное положение и назначил военным губернатором известного своим радикализмом генерала Голяма Али Овейси. В ночь на 8 сентября генерал ввел в столице и еще 11 городах военное положение. Утром, когда участники собравшегося на площади Жале многотысячного митинга отказались расходиться, выведенные из казарм войска открыли по ним огонь. По официальным данным, погибло 86 демонстрантов, однако, по свидетельству очевидцев, в городские морги было доставлено более 3 000 убитых. Эта трагедия, ставшая самым кровавым событием с момента начала протестов и получившая название «черной пятницы», окончательно похоронила надежды на компромисс между населением и шахским режимом, резко радикализовала революционный процесс, и он вступил в необратимую фазу прямой и непримиримой конфронтации.

По призыву Р. М. Хомейни, который переправлял через доверенных лиц из Неджефа в Тегеран записанные на кассетах обращения и прямые указания, 9 сентября объявили забастовку рабочие Тегеранского нефтеперерабатывающего завода. Их примеру последовали персонал и рабочие крупнейших нефтеперерабатывающих предприятий в других городах Ирана. К концу октября забастовочным движением были охвачены важнейшие промышленно-производственные предприятия страны. Закрылся тегеранский базар. Прекратили

выходить на работу сотрудники многих ведомств и частных компаний. Первоначально выдвинутые экономические требования стали перерастать в политические.

Шах быстро терял управление страной и метался в своих действиях от кнута к прянику и наоборот. 15 ноября он заменил правительство «либерального» премьера Д. Шарифа-Имами военным кабинетом во главе с начальником шахской гвардии генералом Голямом Реза Азхари. Новый премьер объявил о введении комендантского часа и жестких мер против забастовщиков и демонстрантов.

Отчаявшийся шах выступил по телевидению и обещал «исправить допущенные ошибки», соблюдать Конституцию, провести свободные выборы, призывал к «национальному примирению». В качестве шагов по исправлению ситуации санкционировал арест более 130 высокопоставленных государственных чиновников, включая бывшего премьер-министра А. А. Ховеиду и руководителя САВАК генерала Немаголла Насери.

Опальный аятолла активизируется

Осенью 1978 г. иранские власти по просьбе шаха предложили Р. М. Хомейни, уже 16 лет находившемуся в Неджефе, либо прекратить антишахскую деятельность, либо покинуть страну. Великий аятолла выбрал второе. Поскольку ни одна из исламских стран региона не соглашалась принять его, Р. М. Хомейни выбрал Францию, куда и прибыл 16 октября.

Разместившись в пригороде Парижа Нефль-ле-Шато, великий аятолла в полной мере использовал предоставленную ему французскими властями практически неограниченную свободу действий для активной антишахской пропагандистской кампании, в том числе с использованием местных и иностранных СМИ. В течение четырех месяцев пребывания во Франции

он дал более 120 интервью иностранным корреспондентам и телеканалам.

Пребывание в Париже заметно упростило коммуникации Р. М. Хомейни с религиозными и политическими лидерами антишахской оппозиции. Еще до возвращения в Иран у него побывали многие представители политически активного духовенства и практически все руководители оппозиционных буржуазно-националистических партий, которые получали инструкции и указания по тактике организации протестного движения.

Во Франции у великого аятоллы образовался ближний круг советников и помощников из числа находившихся за рубежом антишахски настроенных либеральных деятелей. В него вошли Аббас Амир-Энтезам, Садек Готбзаде, Эбрахим Язди и др. Находясь в Нефль-ле-Шато, Р. М. Хомейни также сформировал ячейку доверенных лиц в Иране, преимущественно из числа духовенства, многие из которых в последующем стали членами Революционного исламского совета и заняли руководящие посты в государственной структуре после-революционного Ирана.

28 ноября, накануне начала священного месяца мухаррам, когда шииты поминают мученическую смерть имама Хусейна, Р. М. Хомейни призвал иранцев еще решительнее выступить против «сатанинской власти» и сравнил протестные выступления народа против шаха с борьбой имама Хусейна с Язидом ибн Муавией. Этот призыв имел колоссальное воздействие на глубоко верующих иранцев. Прошедшие 2 декабря траурные шествия носили беспрецедентно массовый характер: в них приняли участие более 10 млн чел. С крыши здания советского посольства в Тегеране было видно, как несколько потоков демонстрантов, сливаясь в полнокровное людское море, направлялись к площади Шахьяд на траурный митинг. Одетые в

черное, с портретами великого аятоллы, двигаясь молча и размеренно, протестующие заворачивали своей мощью. В те дни ни полиция, ни жандармерия, ни воинские подразделения не показывались на улицах. Полноправными хозяевами столицы были демонстранты. Они четко, без инцидентов организовали траурные церемонии, в том числе шествия «шахсей-вахсей», когда раздетые по пояс мужчины били себя цепями по спине в знак солидарности с мучеником имамом Хусейном.

Развязка все ближе

На фоне нараставшей волны протестных выступлений, которые приобретали все более решительный и бескомпромиссный характер, шах предпринял последний отчаянный шаг в попытке спасти положение. В конце декабря он назначил премьер-министром известного деятеля Национального фронта Шахпура Бахтияра – единственного оппозиционера, согласившегося принять предложение шаха, в надежде, что он сумеет стабилизировать ситуацию в стране. Новый премьер отменил военное положение и цензуру СМИ, освободил из тюрем всех политических заключенных, распустил тайную полицию САВАК. Иран вышел из блока СЕНТО и отменил заключенные шахом сделки в 7 млрд долл. на приобретение военной техники. Но эти шаги уже не могли изменить революционные настроения. Р. М. Хомейни объявил правительство Ш. Бахтияра незаконным, и с ним отказались сотрудничать почти все оппозиционные силы. Только высшее военное руководство страны, все еще преданное шаху, было готово подчиняться ему.

Ударом в спину для шаха стало фактическое уклонение президента США Дж. Картера от поддержки стратегического союзника. На пресс-конференции в начале декабря американский президент заявил, что судьбу шаха должен решать иранский

народ. 16 января обескураженный и больной лейкемией М. Р. Пехлеви с семьей по приглашению президента Египта Анвара Садата вылетел в Каир.

Отъезд шаха вызвал ликование в Иране. Вышли спецвыпуски газет с огромными заголовками на всю первую полосу: «Шах ушел». По улицам Тегерана разъезжали громко гудящие автомашины с возбужденными молодыми людьми, которые выкрикивали антимонархические лозунги. Владельцы кондитерских лавок раздавали сладости прохожим. Молодежь повсеместно сбрасывала с постаментов статуи шаха и его отца, Реза-шаха Пехлеви.

Надо сказать, что, находясь в Париже, Р. М. Хомейни не предавал широкой огласке идею государственного устройства Ирана в форме создания исламской республики во главе с компетентным исламским юристом – факихом. Его задачей на первоначальном этапе революции было объединение всех антишахских и антиамериканских сил, в том числе леводемократических, с целью свержения монархии. Поэтому в лексиконе великого аятоллы постоянно звучали слова «свобода», «демократия», «народовластие», «социальная справедливость».

Между тем ситуация в Иране продолжала накаляться. Высший командный состав армии сохранял лояльность шаху и Ш. Бахтияру. Ряд видных религиозных авторитетов, включая великого аятоллу Мохаммада Казема Шариатмадари, не желавших втягиваться в политическую борьбу, поддерживали Ш. Бахтияра, призывали к поиску компромисса между ним и оппозицией. Часть либерально-демократических сил призывала Р. М. Хомейни договориться с Ш. Бахтияром о проведении референдума о будущем государственном устройстве Ирана.

Дж. Картер обратился к вождю Иранской революции с призывом дать шанс

правительству Ш. Бахтияра стабилизировать обстановку в стране. Р. М. Хомейни жестко осудил местных «соглашателей» и заявил, что американскому президенту не стоило бы давать советы иранцам. В январе 1979 г. в Иране проходили демонстрации и митинги как сторонников, так и противников Ш. Бахтияра. 19 января сторонники Р. М. Хомейни провели в ряде городов массовые церемонии по случаю траурной даты Арбаин – сорокового дня с момента гибели шиитского имама Хусейна. Они вылились в своего рода референдум в поддержку призыва Р. М. Хомейни о создании в Иране исламской республики. 21 января в Тегеране прошла многотысячная демонстрация леводемократических партий с лозунгами о превращении Ирана в свободное демократическое государство, а 23 января – демонстрация сторонников Конституции и правительства Ш. Бахтияра. 31 января состоялся парад подразделений шахской гвардии с участием военной техники, который был призван продемонстрировать решимость лояльных режиму вооруженных сил защитить монархию.

Десять дней, которые потрясли Иран

1 февраля 1979 г. Р. М. Хомейни, к тому времени уже безоговорочно признанный лидером революции, триумфально вернулся в Тегеран спецрейсом «Франс Эйр». В Мехрабадском аэропорту его встречала многотысячная толпа. Люди были в экстазе. Многие плакали, пытались дотронуться до великого аятоллы. Поскольку все выезды из аэропорта и ближайшие улицы были заблокированы встречающими, Р. М. Хомейни и сопровождавшие его лица пересели из автомобиля на вертолет, который доставил их на кладбище Бехеште-Зохра – место захоронения жертв шахских репрессий и погибших в ходе антиправительственных выступлений. Обращаясь к собравшимся там семьям пострадавших от шахского режима,

Р. М. Хомейни призвал сторонников довести революционную борьбу до свержения «незаконного правительства Бахтияра», а военнослужащих – «поддержать борьбу иранского народа». Великий аятолла также обещал в ближайшее время назначить новое правительство.

Р. М. Хомейни и его ближайшее окружение разместились в здании школы Рефах на юге Тегерана, которая сразу же превратилась в место круглосуточного паломничества граждан. Первым иностранным послом, которого принял здесь вождь Исламской революции, был советский посол Владимир Михайлович Виноградов. Беседа состоялась в небольшой скромно обставленной комнате. В. М. Виноградов выразил поддержку революционному движению иранского народа, пожелал ему успеха. Р. М. Хомейни поблагодарил и отметил, что иранцы полны решимости довести дело революции до успешного завершения.

2 февраля Р. М. Хомейни с балкона своей первой резиденции обратился к собравшейся многочисленной толпе с благодарностью за оказанную ему теплую встречу и заявил, что окончательная победа революции будет достигнута только после ликвидации всех институтов шахского режима. Спустя день на первой пресс-конференции в Тегеране великий аятолла сказал, что если правительство Ш. Бахтияра добровольно не сложит полномочия, то он объявит «священную войну» – джихад ему и всем сторонникам шахского режима. Он также сообщил, что в ближайшее время будут сформированы революционный совет и временное правительство, а затем проведен референдум о новом государственном устройстве и разработан проект новой Конституции страны. 5 февраля Р. М. Хомейни назначил премьер-министром Мехди Базаргана – либерального технократа, руководителя буржуазно-националистического «Движения за свободу Ирана» – и

поручил ему сформировать временный кабинет министров. В него вошли представители либерально-националистических кругов из числа юристов, врачей, преподавателей вузов, бывших госслужащих, активистов оппозиционного движения с исламской ориентацией. Одновременно начал функционировать революционный совет – по существу, теневое правительство, где шла выработка как ближайших действий, так и последующей стратегии по реализации реформистских планов.

Ш. Бахтияр нервно реагировал на действия Р. М. Хомейни, цепляясь за власть и пытаясь сохранить полномочия. Его кабинет все еще поддерживали руководящий командный состав иранской армии, правоохранительные органы, бюрократическая верхушка госаппарата, компрадорские промышленно-торговые круги. Некоторое время последнему шахскому премьеру еще удавалось проводить демонстрации и митинги в свою поддержку. В словесной перепалке с лидером Иранской революции через подконтрольные СМИ Ш. Бахтияр заявлял, что будет блокировать деятельность временного правительства, но готов ввести в состав своего кабинета представителей оппозиции, угрожал военным переворотом, утверждал, что останется у власти до проведения всеобщих выборов по определению будущего страны.

Однако с возвращением Р. М. Хомейни в Иран среди сторонников Ш. Бахтияра резко усилились пораженческие настроения. Многие депутаты шахского парламента сложили полномочия. Тесно связанные с шахским режимом представители аристократических кругов, госчиновники и предприниматели массово покидали страну. Рядовые сотрудники министерств и ведомств прекращали работу и заявляли о поддержке Р. М. Хомейни. 8 и 9 февраля прошли многотысячные демонстрации

в поддержку временного правительства М. Базаргана в Тегеране, Исфохане, Ширазе и ряде других городов. Многие из них вылились в стычки с полицией и жандармерией.

Утром 10 февраля подразделение шахской гвардии попыталось арестовать находившихся на базе ВВС «Дошан Таппех» в Фарахабаде младших технических сотрудников – хомафаров, накануне заявивших о поддержке Р. М. Хомейни. Хомафары оказали сопротивление и с помощью пришедших на помощь вооруженных демонстрантов, в первую очередь федианов и моджахедов, отбили атаку. Этот инцидент послужил сигналом для начала завершающей фазы революции – вооруженной. Восставшее население захватывало полицейские и жандармские посты, военные склады. В Тегеране начались столкновения демонстрантов с силами правопорядка и армейскими подразделениями. 11 февраля эти столкновения перекинулись на другие города страны. Сторонники революции, в авангарде которых находились боевые отряды левых организаций ОМИН и ОФИН, начали штурм военных баз в Эшратабаде, Джамшидии и Баг-и-Шахе, гарнизоны которых продолжали оставаться верны Ш. Бахтияру. К концу дня они прекратили сопротивление.

На следующий день Р. М. Хомейни обратился по радио к иранским военным и заявил, что освобождает их от присяги верности шаху. Высший Совет Вооруженных сил Ирана провозгласил нейтралитет в политических делах и издал приказ о возвращении всех воинских подразделений в казармы. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Аббас Карабаги заявил о полной поддержке временного правительства М. Базаргана. О «солидарности с народом Ирана» заявило и командование шахской гвардии. 12 февраля начался массовый переход воинских ча-

стей и гарнизонов на сторону временного правительства. Правительство Ш. Бахтияра перестало существовать.

Вспоминая А. С. Грибоедова

11 февраля, в разгар ожесточенных вооруженных столкновений восставшего населения с шахскими солдатами и силами правопорядка, исполнилось 150 лет со дня гибели в Тегеране А. С. Грибоедова. Сотрудники советского посольства собрались у скромного памятника поэту и дипломату. Размышляя о его трагической судьбе и гибели от рук подстрекаемой мутлами фанатичной толпы, мы невольно задумывались о том, как революционные события отразятся на развитии советско-иранских отношений. В городе раздавались автоматные очереди, и трассирующие пули жужжали над посольским парком, порой падая на его дорожки. Эта канонада накладывалась на грустные мысли о мученической смерти бесстрашного русского дипломата и вселяла бессознательную тревогу в связи с непредсказуемыми проявлениями религиозного экстремизма.

Революционный беспорядок

С победой революции перестали функционировать все институты шахской власти. Госаппарат был дезорганизован, госслужащие не выходили на работу. Армия и силы правопорядка сложили полномочия, промышленные предприятия оказались в руках забастовочных комитетов. На фоне эйфории стала ярко проявляться революционная инициатива масс. При мечетях и в городских районах стихийно образовывались местные исламские советы и революционные комитеты, которыми руководили исламские активисты и участники левых движений. Они выявляли и арестовывали сторонников шахского режима, обеспечивали общественный порядок, занимались организацией повседневной жизни насе-

ления, распределяли продукты питания и топливо, решали другие актуальные проблемы.

Создавались революционные суды и революционные трибуналы, состоявшие, как правило, из представителей духовенства. Они приступили к аресту «контрреволюционных» офицеров и представителей высшего звена государственных деятелей шахского режима. В центральных газетах публиковались огромные фотографии обезображенных тел расстрелянных шахских генералов и других высших офицеров. Среди казненных оказался и некогда весьма популярный и харизматичный премьер-министр А. А. Ховеида: видимо, знал многое, что могло не понравиться новым властям.

В первые дни после победы революции повсюду царила опьяняющая атмосфера свободы и раскрепощенности. По радио, перешедшее под контроль леводемократических организаций, звучали революционная музыка и кубинские революционные песни. Начали издаваться сотни новых газет, журналов, других печатных изданий, множество карикатур и пикантных снимков. Например, наряду с фотографией шахини, позирующей с группой девушек в купальниках, можно было встретить изображение чисто выбритого мужчины в костюме при галстукке и шляпе, поразительно похожего на Р. М. Хомейни. Запрещенная шахом коммунистическая партия Ирана (Туде) объявила о возобновлении деятельности. Иранские университеты превратились в места жарких дискуссий о путях дальнейшего развития страны. Здесь начали создаваться штаб-квартиры многих леводемократических партий и организаций.

Первые послереволюционные месяцы были временем свободного общения и интересных бесед с иранцами. Узнав, что мы советские («шурави»), они проявля-

ли большой интерес к событиям в СССР, жизни советских людей, увлеченно рассказывали, каким видят будущее своей страны. Особенно запомнилось торжественное собрание, посвященное годовщине Октябрьской революции, которое состоялось 10 ноября в иранском Обществе культурных связей с Советским Союзом. Несколько тысяч иранцев, в основном молодежь, заполнили актовЫй зал и территорию Общества, а также прилегающую улицу, куда пришлось вынести динамики.

Собравшиеся внимательно слушали выступление советского посла, неоднократно прерывая его длительными аплодисментами. Революционные события в России, о которых он рассказывал, поразительным образом перекликались с событиями Иранской революции, давали богатую пищу для размышлений о возможных путях дальнейшего развития страны. По окончании собрания В. М. Виноградову и сотрудникам посольства с трудом пришлось прокладывать путь к выходу через толпу возбужденных молодых людей, которые пожимали руки, благодарили, поздравляли.

Стремительная победа восставшего народа застала врасплох Р. М. Хомейни и его сторонников, которые готовились к длительному противостоянию с Ш. Бахтияром и не рассчитывали, что шахская армия так быстро прекратит сопротивление и не будет поддержана американскими покровителями. США также не ожидали столь стремительного развития революционного процесса. Неслучайно одно из секретных донесений американского посла в Тегеране Уильяма Салливана после бегства Ш. Бахтияра в Париж было озаглавлено «Немыслимое произошло».

Лидер Иранской революции и его последователи не были готовы к правлению страной. Еще не были сформированы базовые исламские институты власти и официально закреплены идеологические основы

нового режима. Не до конца был понятен политический и военный потенциал не-исламских революционных сил. Поэтому на первый план вышла деятельность временного правительства М. Базаргана. Политически активная часть революционного духовенства, сгруппировавшаяся вокруг Р. М. Хомейни, считала необходимым создать и свою партию для политической мобилизации и организации сторонников. 18 февраля была учреждена Исламская республиканская партия (ИРП). Ее основателями стали аятолла Мохаммад Бехешти, аятолла Мусави Ардебили, будущие президенты Али Акбар Хашеми Рафсанджани и Али Хаменеи. М. Бехешти стал ее председателем.

В ситуации с разложившейся и ненадежной армией и существованием многочисленных вооруженных группировок при различных революционных комитетах и трибуналах Р. М. Хомейни остро чувствовал необходимость иметь собственную, подчиненную духовенству военную силу, которая могла бы защищать его интересы, в том числе в противодействии организованному и хорошо вооруженному левому движению. 5 мая он объявил о создании Корпуса стражей исламской революции (КСИР) – военизированной структуры, которая постепенно превратилась в параллельную армию и стала «боевым кулаком» в подавлении оппозиционных выступлений.

«Бритва без лезвия»

В задачи, поставленные перед правительством М. Базаргана лидером революции, входило восстановление нормального функционирования государственного аппарата и экономической жизни страны, проведение референдума о государственном устройстве, выработка и принятие новой Конституции, организация выборов в парламент (меджлис).

Однако работе правительства серьезно мешала хаотичная и неподконтрольная деятельность многочисленных ревкомов, ревсоветов, ревтрибуналов и других стихийно возникших организаций. Попытки М. Базаргана ограничить их деятельность и поставить под юрисдикцию правительства не давали результата. Премьер неоднократно жаловался на это Р. М. Хомейни, который поручил члену Революционного совета аятолле Мохаммаду Реза Махдави Кяни навести порядок в работе вышеуказанных структур, взять их под жесткий контроль. Но тот лишь провел чистку ревкомов от левых и других нежелательных элементов, сократив их численность и укрепив надежными «исламскими» кадрами. Деятельность контролируемых духовенством ревтрибуналов не ограничивалась. М. Р. Махдави Кяни, как и Р. М. Хомейни, прекрасно понимал важность деятельности «революционных исламских» структур, активно поддерживающих все действия лидера революции по решению задач создания теократического государства.

М. Базарган пытался координировать работу правительства с деятельностью более авторитетного и влиятельного Революционного совета. М. Р. Махдави Кяни был назначен министром внутренних дел, А. А. Хашеми Рафсанджани – его заместителем, А. Хаменеи – заместителем министра обороны. Проводились совместные заседания правительства и Революционного совета в присутствии Р. М. Хомейни. Эти шаги не дали желаемых результатов, зато позволили членам Ревсовета приобрести навыки и опыт административной работы. В этих условиях М. Базарган афористично называл свое правительство «бритвой без лезвия», а Тегеран – «городом тысяч шерифов».

Не все муллы хотят быть политиками

Значительная часть иранского духовенства без энтузиазма относилась к политизации ислама и вовлечению религиозных деятелей в политическую жизнь и руководство страной, опасаясь, что это может подорвать авторитет и влияние духовенства среди верующих. Среди них наиболее крупной и авторитетной фигурой являлся великий аятолла М. К. Шариатмадари, глава теологического центра Тебриза и в отсутствие Р. М. Хомейни главный религиозный авторитет страны. Он критиковал многие действия шахского режима, но не был готов вести с ним борьбу. Его вполне удовлетворяли реформы, которые предлагал Ш. Бахтияр. Невольно вовлеченный в революционный процесс (Тебриз стал одним из самых активных центров антишахского движения), М. К. Шариатмадари тем не менее выступал против проявлений экстремизма и насилия и со стороны шахского режима, и со стороны революционеров.

М. К. Шариатмадари был принципиальным противником идеи установления правления компетентного исламского правоведа (факиха). Будучи сторонником создания в Иране демократической республики и предоставления ограниченной автономии этническим регионам страны в рамках единого государства, в ходе обсуждения проекта новой Конституции он поддерживал выдвинутые либерально-националистическими и левыми оппонентами Р. М. Хомейни положения о демократическом государственном устройстве Ирана. Для объединения единомышленников сторонники М. К. Шариатмадари в феврале 1979 г. учредили Мусульманскую народно-республиканскую партию (МНРП).

Ввиду своей диссидентской позиции М. К. Шариатмадари стал подвергаться нападкам сторонников Р. М. Хомейни. Они даже совершили нападение на дом главы теологического центра Тебриза в Мешхе-

де, в ходе которого был убит один из охранников. Этот инцидент положил начало массовым демонстрациям протеста в Тебризе и других городах азербайджанских провинций Ирана. В Тебризе демонстранты захватили местную радиостанцию и ряд госучреждений. Активное участие в стычках сторонников и противников М. К. Шариатмадари приняли направленные из Тегерана отряды Корпуса стражей исламской революции. Опасаясь эскалации кровопролития и дальнейшего обострения ситуации, М. К. Шариатмадари призвал своих сторонников прекратить протестные выступления. Сторонникам Р. М. Хомейни удалось взять ситуацию под контроль. М. К. Шариатмадари был лишен титула великого аятоллы и помещен под домашний арест. МНРП была распущена.

Только исламская республика

Первым шагом на пути реализации идеи исламского правления должно было стать провозглашение Ирана исламской республикой без добавления слов «демократическая», «народная», как на этом настаивали националистические и левые партии. Р. М. Хомейни сразу же взял в свои руки инициативу в этом вопросе. Выступая 1 марта 1979 г. перед преподавателями и слушателями кумского теологического центра, он прямо заявил, что народ хочет видеть Иран именно исламской республикой, а не просто демократической или демократической исламской республикой. Термин «демократическая», по безапелляционному выражению вождя революции, – «вредное изобретение Запада». Партии и организации через мечети, пятничные намазы и свои СМИ развернули активную пропагандистскую кампанию в поддержку указания Р. М. Хомейни голосовать только за исламскую республику.

Чтобы привлечь к голосованию максимальное количество населения, возрастной

ценз был снижен до 16 лет. В результате на состоявшемся 30 и 31 марта референдуме при массовой явке населения «правильно» проголосовали около 90 % участников, опустив в урны специально помеченные зеленым цветом бюллетени с единственным вопросом: «Согласны ли вы проголосовать за исламскую республику?». Волю Р. М. Хомейни поддержали не только Исламская республиканская партия и исламские группировки, но и буржуазно-националистические организации, а также партия Туде. ОПФИН бойкотировала голосование, а ОМИН заявила об условной поддержке его результатов. С 1 апреля 1979 г. страна стала официально называться Исламской Республикой Иран (ИРИ).

Только власть факиха

Более сложными задачами, чем определение названия страны, оказались разработка и принятие новой Конституции Ирана. Р. М. Хомейни поручил подготовить ее проект правительству М. Базаргана. За основу была принята иранская Конституция 1906 г., а также Конституция Пятой республики во Франции.

14 июня проект был представлен Р. М. Хомейни и опубликован. Он оказался весьма эклектичным по содержанию. Упразднялась монархия, делался акцент на сильной президентской власти, содержался набор основных прав и свобод. Однако не было упоминаний о доктрине «веляят-е факих» (правлении компетентного исламского юрисконсульта), ограничивались права предложенного Р. М. Хомейни Совета стражей по контролю за соответствием принимаемых законов нормам ислама, а в его состав предлагалось ввести больше светских юристов, чем исламских правоведов.

В СМИ и обществе развернулась широкая дискуссия по содержанию проекта Конституции. В ней активно участвовали представители практически всех партий

и общественных организаций. Офис премьер-министра был завален десятками проектов Основного закона и тысячами предложений к нему. Буржуазно-либеральные круги высказывались за ограничение власти президента и за полномочный парламент, который осуществлял бы контроль за деятельностью правительства. Они предлагали учреждение независимой юридической системы с выборностью судей. Ставился вопрос о более широком участии женщин в жизни государства, предоставлении большей автономии местным органам власти и национальным окраинам. Леводемократические силы требовали коренного пересмотра проекта Конституции с целью усиления в ней демократических начал и принципов народовластия. Представители нацменьшинств выступали за предоставление широких автономных прав.

Р. М. Хомейни был встревожен столь широким масштабом дискуссий и радикальными, не соответствующими его представлениям высказываниями большинства участников развернувшейся полемики, которые даже не упоминали его идею об исламском правительстве. В конце июня, принимая группу священнослужителей из Мешхеда, он заявил, что духовенство и подлинно исламские силы должны пересмотреть проект Конституции с учетом исламской перспективы и важности «исламского характера». Аятолла подчеркнул, что ее нельзя давать корректировать «вестернизированным интеллектуалам».

По указанию лидера революции ИРП и другие исламские организации развернули кампанию в поддержку «исламского характера» будущей Конституции, подчинения всех органов государственной власти нормам шиитских догматов, центральным пунктом которых было обозначено руководство страной «компетентным факихом». Одновременно началось наступление

властей на СМИ, отражавшие точку зрения противников исламизации иранского общества. Были закрыты десятки печатных изданий, в том числе самая многотиражная газета «Аяндеган», резко критиковавшая воззрения Р. М. Хомейни. Ее редактор Ахмад Матин-Дафтари, внук свергнутого в 1953 г. демократически избранного премьер-министра Ирана М. Моссаддыка и один из руководителей Национально-демократического фронта, был арестован. Протестная демонстрация сторонников этой буржуазно-националистической организации была разогнана «хезболлаховцами» (членами виртуальной радикальной «партии Аллаха» из числа люмпенизированных жителей южного Тегерана) с помощью дубинок и металлических цепей. Нападениям также подверглись штаб-квартиры ОПФИН и ОМИН.

Стремясь снять накал страстей, Р. М. Хомейни согласился с предложением умеренной части духовенства учредить Собрание экспертов численностью в 73 чел. на выборной основе, с правом вносить изменения и поправки в проект Основного закона. Выборы состоялись 18 августа. Большинство членов Собрания экспертов (55 из 73) составили сторонники хомейнистской концепции Конституции. Председателем был избран аятолла Хосейн Али Монтазери, а его заместителем – руководитель ИРП аятолла М. Бехешти, который фактически руководил работой Собрания. Несмотря на преобладание сторонников Р. М. Хомейни, работа Собрания экспертов проходила в ожесточенных дискуссиях, неоднократно прерывалась и завершилась лишь к середине октября 1979 г.

В конечном счете хомейнистам удалось переломить ситуацию и добиться реализации указаний лидера революции. В окончательной редакции, принятой 15 октября, центральной фигурой нового конституционного строя стал факих с практически

неограниченными правами и полномочиями, которые, как все понимали, будут принадлежать Р. М. Хомейни. Закреплялось доминирование духовенства над всеми государственными институтами. Говорилось, что все юридические, финансово-экономические, административные, военно-политические и другие законы должны основываться на «исламских критериях». Эти же критерии должны действовать в отношении прав и свобод населения. Проектом предусматривалось образование Совета экспертов из 12 исламских теологов и юристов с правом определения соответствия принимаемых законов нормам ислама. Окончательный проект Конституции, принятый на всеобщем референдуме 2 и 3 декабря, положил конец надеждам буржуазно-либеральных кругов, леводемократических организаций, умеренной части духовенства и национально-этнических меньшинств на демократические перспективы развития Ирана.

Исламизация всей страны

После революции иранские университеты, в первую очередь Тегеранский, превратились в штаб-квартиры и опорные пункты леводемократических организаций, прежде всего фedaинов и моджахедов. Здесь проводились массовые митинги, планировались политические мероприятия, распространялись печатные издания, листовки и воззвания самых различных партий и организаций. Это вызывало растущее беспокойство клерикальных кругов во главе с Р. М. Хомейни. Не менее тревожным было и то обстоятельство, что во многих государственных структурах продолжали работать представители буржуазно-либеральных кругов, тормозивших выполнение указаний исламских властей и надеявшихся на восстановление связей с США.

В послании по случаю иранского Нового года Навруз 20 марта 1980 г. вождь

Иранской революции подверг резкой критике леводемократические и либеральные группировки. Он обвинил фedaинов в организации забастовок, а моджахедов – в «искажении подлинного ислама марксистскими постулатами». Р. М. Хомейни также назвал буржуазных интеллектуалов и либеральную прессу «заговорщиками и источником всех бед». Фактически это был призыв к исламизации университетов и чистке госаппарата и СМИ от «прозападных элементов».

В апреле Революционный совет потребовал от леводемократических организаций в течение трех дней покинуть вузы. Когда это требование не было выполнено, великий аятолла заявил: «Мы не боимся экономических санкций или военной интервенции. Мы опасаемся вестернизированных университетов и обучения нашей молодежи в интересах Запада и Востока». За этими словами последовали атаки на университеты всей страны. В ожесточенных схватках «хезболлаховцев», «басиджей» (членов исламского ополчения) с молодежью было ранено более 300 студентов. Университеты были захвачены исламскими радикалами и оставались закрытыми в течение последующих двух лет, пока шла чистка среди студентов и профессорско-преподавательского состава, а также разработка «исламских» учебных программ. Весь этот процесс получил название культурной революции. Одновременно проходила чистка министерств и ведомств от «промонархических» и «прозападных» элементов специально созданными для этого комитетами. Как сообщали тегеранские СМИ, только из Министерства образования и учебных заведений страны было уволено более 20 тыс. чел., из Министерства иностранных дел – 800 чел., из руководства вооруженных сил – почти 8 000 офицеров.

Процесс «исламизации» коснулся многих сторон жизни граждан. Были запрещены производство и продажа алкогольных напитков. В первые послереволюционные месяцы мы неоднократно наблюдали, как после разгрома лавок и магазинчиков из разбитых бутылок по арыкам буквально рекой текло спиртное. Повезло только армянам, которым как христианам было позволено производить домашнее вино (чачу), но употреблять только в своем кругу. В так называемом армянском ресторане, закрытом для иранцев, женщинам можно было снять платки и манти, а всем гостям – выпить спиртное, попеть и потанцевать. Исчезли магазины и лавки, в которых торговали западной джазовой и эстрадной музыкой. Под запретом, правда ненадолго, оказалась даже такая популярная в Иране игра, как шахматы. Автобусы и вагоны метро делились на женскую и мужскую половину. Было забавно видеть, как женщины выталкивали со «своей» половины случайно или нет зашедших туда мужчин. Женщинам было запрещено посещение мужских соревнований, а им самим можно было заниматься спортом только в платках, шальварах и не облегающих тело майках с длинными рукавами. Даже горнолыжные трассы были разделены на мужские и женские.

Особенно тяжелым для эмансипированного женского населения было введение обязательных головных платков и одежды свободного кроя, в частности бесформенных манти. Женщин, одетых иначе, не обслуживали в магазинах, а в госучреждениях после нескольких предупреждений увольняли с работы. Тегеранки отчаянно бились за право носить модную одежду, устраивая забастовки и митинги. Одна из таких акций протеста состоялась на разделявшей советское и английское посольства улице, до революции носившей имя Черчилля, а после нее – Нефль-ле-Шато.

Сотни элегантно одетых и причесанных по европейской моде женщин несли плакаты и выкрикивали требования прекратить насильственное введение «исламской» одежды. Внезапно они были окружены и атакованы пасдарами – бойцами КСИР. Несколько десятков участниц демонстрации были арестованы, а остальных разогнали резиновыми дубинками.

Эпопея с заложниками

На волне подъема антиамериканских настроений 26 февраля 1979 г. вооруженная группа федаинов оккупировала посольство США в Тегеране. Однако тогда эта акция не получила поддержки Р. М. Хомейни, который не стал препятствовать правительству М. Базаргана быстро разрешить проблему. Оперативно прибывший в американское посольство министр иностранных дел Э. Язди убедил освободить территорию посольства.

Оправившиеся от шока быстрой победы революции американцы пытались сохранить свои позиции. В Иране оставалась группа американских военных советников, продолжала поступать закупленная шахом американская военная техника. Функционировало посольство США, хотя и в сокращенном составе. Дипломаты поддерживали регулярные рабочие контакты с правительством М. Базаргана, надеясь с его помощью «нормализовать» отношения с лидером революции.

22 октября американские власти разрешили свергнутому шаху въезд в США для лечения. Р. М. Хомейни гневно отреагировал на этот шаг, назвав его «заговором против Ирана». В стране развернулась очередная антиамериканская кампания. Она еще больше активизировалась после публикации в печати 1 ноября фотографии премьер-министра М. Базаргана, дружески пожимающего руку советника президента США по националь-

ной безопасности Збигнева Бжезинского на проходивших в Алжире торжествах по случаю годовщины независимости этой страны.

Днем 4 ноября по радио передали сообщение о захвате американского посольства группой радикально настроенной молодежи, назвавшей себя «студентами – последователями линии имама Хомейни». Позднее стало известно, что, не встретив сопротивления со стороны охранявших посольство полицейских, нападавшие ворвались на территорию и захватили в заложники 56 дипломатов. Среди них не оказалось временного поверенного в делах США в Иране Брюса Лейнгена, который в это время находился в иранском МИДе по вопросу усиления охраны посольства. Правда, информированные источники утверждали, что он специально был приглашен в министерство, чтобы избежать участи коллег. Б. Лейнген оставался там вплоть до разрешения кризиса с заложниками, имел отдельный кабинет и телефонную связь с Госдепартаментом. Диппочту из Вашингтона ему передавали через посольство Швейцарии. Неизвестно, был ли захват американского посольства согласован с Р. М. Хомейни, однако он приветствовал действия «студентов», назвав их «второй революцией».

Нападавшие захватили ряд документов и часть шифрпереписки посольства с Госдепартаментом, которую американцы не успели уничтожить. «Студенты» проделали кропотливую и поистине уникальную работу по восстановлению пропущенных через шредер документов, которые затем публиковались в печатных органах леводемократических организаций, а впоследствии вошли в многотомный сборник документов из «шпионского гнезда», как стали именовать посольство США. Опубликованные материалы в том числе проливали свет на тесные контакты М. Базаргана

и членов его кабинета с американскими дипломатами, в ходе которых звучали заверения либерально-буржуазных кругов в желании сохранить и укрепить отношения с США. 6 ноября М. Базарган и члены его правительства подали в отставку, и исполнительная власть перешла к Исламскому революционному совету (ИРС).

7 ноября Дж. Картер призвал Р. М. Хомейни освободить заложников и направил для переговоров по этому вопросу делегацию, в которую вошли бывший федеральный судья Рэмси Кларк и министр финансов Джордж Уильям Миллер. Однако иранцы отказали во встрече. 14 ноября США заморозили все валютные авуары Ирана, включая счета Центрального банка. 17 апреля 1980 г. разорвали дипломатические отношения с ИРИ и ввели против нее экономические санкции, включая эмбарго на импорт иранской нефти. Ситуация с заложниками накалялась. Тегеран требовал экстрадиции шаха для «народного суда», возвращения его зарубежных авуаров, извинений США за «преступления против иранского народа».

Оставшиеся в ИРС сторонники М. Базаргана Э. Язди, С. Готбаде, а также ставший в январе 1980 г. президентом ИРИ Абольшасан Банисадр пытались разрешить кризис с заложниками с привлечением ООН и ее Генерального секретаря Курта Вальдхайма. Они предложили план, согласно которому США создают специальную комиссию по рассмотрению иранских претензий в обмен на передачу заложников под покровительство ИРС в качестве первого шага по урегулированию проблемы. Однако накануне приезда в Тегеран спецпосланника Генерального секретаря ООН О. Пальме для обсуждения плана Р. М. Хомейни заблокировал эту инициативу, заявив, что судьбу заложников должен решать народ в лице меджлиса. «Студенты – последователи линии имама Хомей-

ни» отказались передавать заложников ИРС, а тот не стал на этом настаивать. Миссия О. Пальме, все же прибывшего в Тегеран, провалилась.

С. Готбаде, остававшийся в органах исполнительной власти, предпринял еще одну попытку разрешить проблему заложников. Он попытался уговорить власти Панамы, где с декабря 1979 г. находился М. Р. Пехлеви, выдать его Тегерану. Однако предупрежденный об этом свергнутый шах спешно выехал в Египет еще до получения Панамой формального запроса иранцев об экстрадиции.

Отчаявшись решить проблему заложников политико-дипломатическими методами, Дж. Картер санкционировал проведение военной операции по их освобождению, получившей название «Орлиный коготь». 24 апреля 1980 г. с авианосца «Нимиц» в Аравийском море взлетели восемь вертолетов с американским спецназом, а также несколько транспортных самолетов. Согласно плану операции, спецназовцы должны были высадиться в пустыне Табас в 80 км от Тегерана и на грузовиках добраться до иранской столицы. Одновременно американская агентура должна была спровоцировать беспорядки в Тегеране. В это время американским десантникам надо было взять штурмом посольство США, освободить заложников и доставить их к транспортным самолетам для последующей эвакуации из Ирана.

Однако все пошло не по плану. Два вертолета не долетели до места назначения, попав в песчаную бурю и потерпев крушение. Американцам пришлось свернуть операцию. В возникшей неразберихе один из долетевших до места сбора вертолетов столкнулся с транспортником. Обе машины загорелись, унеся жизни восьми военнослужащих. Когда на следующий день иранцы увидели на телевизионных экранах обломки американской техники и тела по-

гибших, они не могли не поверить словам Р. М. Хомейни о том, что провал военной операции США явился «чудесным проявлением поддержки аллахом Исламской революции».

К осени 1980 г. созрела ситуация для решения проблемы заложников. В Египте умер свергнутый шах Ирана. Лидер Иранской революции максимально использовал ситуацию с захватом посольства США для дискредитации и отстранения от власти буржуазно-националистических сил и укрепления своих позиций. В сентябре в Женеве при посредничестве Алжира начались переговоры между спецпредставителем Р. М. Хомейни Мохаммадом-Али Кази Табатабаи и заместителем Государственного секретаря США Уорреном Кристофером. Иранцы убрали требование об извинении США, но продолжали настаивать на размораживании валютных средств шаха и правительства Ирана на общую сумму 32 млрд долл., а также на отмене санкций.

19 января 1981 г. было подписано Алжирское соглашение по разрешению кризиса с заложниками. В обмен на их освобождение Вашингтон согласился разморозить 12 млрд долл. Из этой суммы были вычтены 5 млрд в счет погашения предоставленных ранее Ирану банковских кредитов и еще 1 млрд – на удовлетворение судебных исков компаний и граждан США. 20 января, сразу же после вступления в должность президента США Рональда Рейгана, Иран освободил заложников, находившихся в плену 444 дня, и они через Алжир вылетели на американскую базу в Западной Германии, а оттуда уже бывший президент Дж. Картер вывез их в США.

«Красный аятолла»

9 сентября 1979 г. умер Махмуд Талегани. Его называли «красным аятоллой» за симпатии к леводемократическим органи-

зациям, в частности моджахедам. Активными членами ОМИН были сыновья и невестка аятоллы. М. Талегани был чрезвычайно популярен в Иране, лишь немногим уступая авторитету Р. М. Хомейни. Много лет он сидел в тюрьме за организацию антишахских выступлений. Еще до возвращения Р. М. Хомейни в Иран активно участвовал в революционном движении, после победы революции вел пятничный намаз в Тегеране. Его яркие выступления, глубокое понимание нужд и чаяний простых иранцев находили живой отклик у многотысячной аудитории.

«Красный аятолла» трактовал ислам как религиозное течение, защищающее и продвигающее идеи социальной справедливости и противодействия деспотизму. Он призывал последователей не просто механически заучивать суры Корана, но и задумываться над их смыслом. М. Талегани утверждал, что исламу чужд экстремизм и что он устанавливает прогрессивные правила и нормы общественной и личной жизни. Выступал против ограничения демократических прав и свобод при обсуждении проекта новой Конституции, предупреждал об опасности вовлечения духовенства в политическую борьбу за монополизацию власти для авторитета и престижа духовенства и ислама в целом.

Кончина М. Талегани стала большим ударом для всех его сторонников. Был взволнован и советский посол В. М. Виноградов, который вечером 8 сентября долго беседовал с аятоллой в его скромном тегеранском доме. Беседа, как вспоминал посол, носила дружеский, теплый характер. М. Талегани чувствовал себя хорошо, много шутил, подчеркивал важность развития добрососедских отношений между Ираном и СССР.

Намеки недоброжелателей о смерти после продолжительной и якобы острой беседы с советским послом были с возмущени-

ем отвергнуты родственниками «красного аятоллы». Они, как и его сторонники, склонялись к тому, что М. Талегани был отравлен противниками из экстремистского крыла духовенства, группировавшегося вокруг ИРП во главе с аятоллой М. Бехешти. Эти подозрения усугублялись отказом властей от проведения судебно-медицинской экспертизы.

Похороны «красного аятоллы» переросли в многотысячную демонстрацию, участники которой выражали глубокую скорбь в связи с кончиной религиозного и политического наставника и скандировали: «Бехешти, Бехешти, ты убил Талегани!» Я видел эти впечатляющие проявления народной любви и народного гнева, сопровождаемая В. М. Виноградова на траурных мероприятиях. Иран лишился популярного и влиятельного религиозно-политического деятеля, который выражал и защищал интересы очень широкого сегмента революционного движения и мог повлиять на ход развития внутривнутриполитических процессов в стране.

Афганский сюжет в иранском контексте

Накануне ввода советских войск в Афганистан в посольство из Центра поступило указание срочно информировать об этом Р. М. Хомейни и объяснить причины такого шага. Дозвониться до канцелярии великого аятоллы не получилось, но с большим трудом удалось добиться разрешения иранского МИДа на поездку советского посла в Кум, где в то время находился Р. М. Хомейни. По просьбе посольства для сопровождения В. М. Виноградова было выделено три вооруженных пасада. В полной темноте машины выехали из Тегерана и прибыли в Кум уже на рассвете. Через несколько контрольных пунктов подъехали к резиденции лидера революции. После длительных переговоров с начальником канцелярии аятоллы и с его согласия встреча была разрешена.

Р. М. Хомейни было сказано, что решение о временном вводе ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан было непростым, но необходимым шагом. Оно было принято в ответ на многократные просьбы руководства Демократической Республики Афганистан с целью устранения угрозы вмешательства во внутренние дела этой страны со стороны США. Лидер Иранской революции ответил, что каждый народ, в том числе мусульманский народ Афганистана, вправе сам решать внутренние дела, без вмешательства извне. Иран не может одобрить действий Советского Союза. Но раз войска введены, его совет: поскорее выполнить поставленные задачи и уходить из Афганистана.

Видя, что реакция Р. М. Хомейни на переданную ему информацию не была жесткой, В. М. Виноградов выразил надежду, что ни СМИ, ни проповедники в иранских мечетях не будут разжигать страсти вокруг данного вопроса, что негативно сказалось бы на советско-иранских отношениях. В ответ великий аятолла обратился с двумя просьбами: не поддерживать в Совете Безопасности ООН введение антииранских санкций в связи с захватом персонала посольства США в Тегеране; не перекрывать иранский транзит через СССР в Европу в случае блокады американцами иранских портов в Персидском заливе. Понятно, что без соответствующих указаний из Москвы посол не мог однозначно ответить на эти просьбы. Но сказать так означало бы усилить негативную реакцию аятоллы на переданную ему информацию.

При безусловно негативном отношении к самому факту захвата заложников, а тем более дипломатического состава посольства США в Тегеране нельзя было не учитывать и экспансионистскую политику Вашингтона в отношении Ирана и факты откровенного вмешательства США в его

внутренние дела. Что касается иранского транзита через территорию СССР, то наша страна всегда была заинтересована в его развитии. С учетом этого В. М. Виноградов ответил, что резолюция об антииранских санкциях в СБ ООН вряд ли пройдет, а Иран сможет осуществлять транзитные перевозки через советскую территорию. Время подтвердило правоту его заверений.

В течение почти трех месяцев в выступлениях Р. М. Хомейни и других политико-религиозных деятелей Советский Союз не подвергался острой критике за ввод войск в Афганистан, хотя многие СМИ и радикальные исламские группировки сразу же обрушились с обвинениями и угрозами в адрес Москвы. И только по истечении этого времени, видя, что пребывание ОКСВ в Афганистане затягивается, великий аятолла, а вслед за ним все руководство и информационно-пропагандистский аппарат ИРИ развернули массированную антисоветскую кампанию.

Одним из первых проявлений антисоветской истерии в связи с событиями в Афганистане явилось нападение на советское посольство 1 января 1980 г. группы афганцев и местных исламских радикалов. Была разгромлена комендатура посольства, сломаны въездные ворота, сорван флаг с флагштока. Нападение было достаточно быстро остановлено пасдарами и не имело серьезных последствий. Однако враждебное отношение к нашей стране усиливалось и проявлялось в самых разных формах. Стены посольства были испещрены антисоветскими лозунгами, наиболее популярными из которых были «Смерть советским», «США – большой сатана, а Советский Союз – малый», «Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а СССР – хуже всех». Перед воротами посольства на проезжей части улицы был изображен советский флаг, по которому, выкрикивая антисоветские лозунги, на машинах и мо-

тоциклах проносились бородатые молодчики. Антисоветская риторика звучала на пятничных намазах в Тегеране и других городах. В местном МИДе стали чаще отказывать посольству в обеспечении продуктами питания, бензином и газойлем.

Апофеозом антисоветских выступлений стало нападение на посольство 27 декабря 1980 г. – в первую годовщину ввода советских войск в Афганистан. Колонны демонстрантов с трех направлений подошли к главным воротам посольства. Здесь состоялся короткий митинг. Затем с южного направления выделилась группа в несколько сотен человек, которая, сметая полицейскую охрану, стала быстро перелезать через ворота, срывать и сжигать флаг. Дежурные коменданты сумели включить тревожную сигнализацию и едва успели укрыться в служебном здании.

Сотрудники посольства, имея информацию о предстоящем митинге и вероятном нападении, находились в служебном помещении, связывались с МИДом, Министерством внутренних дел, местным ревкомом, штаб-квартирой КСИР, требуя от иранской стороны принять меры по предотвращению нападения, а когда оно началось – немедленно его пресечь. Тем временем группа нападавших с ножами и дубинками ворвалась в представительское помещение, где в конце 1943 г. проходила историческая конференция глав государств антигитлеровской коалиции. Были разбиты старинные зеркала, люстры, вазы, декоративные каминные вставки в главном зале, порезаны ценные персидские ковры, мебель, сиденья и экран в кинозале, разбиты памятные стелы с информацией о встрече лидеров СССР, США и Великобритании. Вторая группа, вооруженная булыжниками, снаружи стала разбивать высокие панорамные окна в других комнатах представительского здания. Третья группа попыталась проникнуть в служебное здание

посольства, отделенное от представительского длинным узким коридором. Однако налетчикам не удалось взломать запертую изнутри железную дверь. Коменданты забросали коридор гранатами со слезоточивым газом, что сразу охладило пыл нападавших. Несколько десятков человек пробежали по крыше и этажам жилого дома, но, к счастью, не стали врывать в квартиры, где находились члены семей сотрудников посольства. Спустя примерно 30–40 мин в посольство прибыли пасады и полицейские. Картинно заламывая руки нарушителям, которые и не думали сопротивляться, они демонстративно выпроваживали их, проходя перед окнами наших служебных кабинетов.

Было ясно, что это нападение, четко спланированное и организованное, являлось демонстративной акцией устрашения и, согласно иранской терминологии, «проявлением гнева афганского народа». Подтверждением этому стала состоявшаяся 29 декабря встреча посла В. М. Виноградова с премьер-министром Мохаммадом Али Раджаи. Иранец никак не отреагировал на врученную ему ноту протеста в связи с бандитским нападением на посольство. Он начал пространно рассуждать о «советской агрессии» в Афганистане, о праве афганцев «давать отпор иностранной интервенции», старательно избегая тематики погрома. На прямой вопрос посла, почему иранские власти не приняли меры по предотвращению нападения, несмотря на неоднократные предупреждения посольства, премьер издевательски ответил, что посольство предупреждало только о демонстрации, а не о нападении. Не произвели на него впечатления и переданные фотографии разгрома представительских помещений посольства, которые он рассматривал с широкой улыбкой и явным удовлетворением.

Иранские власти не спешили с извинениями, даже формальными. Из уст второ-

степенных чиновников иранского МИДа звучали жалкие оправдательные заявления, но не извинения. Только после резких демаршей МИДа СССР послу ИРИ в Москве с довольно жесткими формулировками о возможных ответных мерах иранцы ответили официальной нотой. Она была стыдливо, без каких-либо комментариев передана заместителем начальника протокольного департамента иранского МИДа советнику-посланнику посольства. В ней выражалось «сожаление» по поводу «случившегося инцидента», содержалось туманное обещание компенсировать нанесенный ущерб, а также говорилось о способности иранского правительства обеспечить безопасность иностранных дипмиссий, в том числе советского посольства.

Материальный урон, нанесенный посольству, так и не был компенсирован. Антисоветские митинги и демонстрации, в том числе перед посольством или в непосредственной близости от него, продолжались с завидной регулярностью, однако власти все же не допустили новых разрушительных нападений. Позже стала известна причина такого поведения. Министр иностранных дел С. Готбзаде уговаривал Р. М. Хомейни дать согласие на захват в заложники советских дипломатов, как это было сделано чуть раньше с американцами. Однако лидер революции отверг эту идею, мудро заявив, что Ирану не с руки ссориться сразу с двумя сверхдержавами. Свою роль сыграла и активная упредительная работа посольства, которое постоянно мониторило деятельность местных и афганских экстремистов, своевременно информировало иранские политические и военные структуры о готовившихся антисоветских акциях и настоятельно требовало предотвращать их.

Письмо С. Готбзаде и усиление анти-советских настроений

11 августа 1980 г. в советское посольство поступило письмо министра иностранных дел ИРИ С. Готбзаде на имя министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко. Оно было составлено в довольно иезуитской манере, носило лицемерный, откровенно антисоветский характер. Начав с заявления о желании исламской республики иметь дружественные отношения с Советским Союзом, министр сразу же выдал целый набор фантастических и нелепых обвинений в адрес СССР о вмешательстве во внутренние дела Ирана. Москве вменялись в вину поддержка «контрреволюционеров» в иранском Курдистане, проведение спутниковых съемок иранских военных объектов и передача их результатов «сепаратистам», финансирование пропагандистской деятельности партии Туде, нежелание называть Иранскую революцию исламской.

Главный акцент в письме был сделан на «советской агрессии» против Афганистана. Закономерным был и вывод министра о том, что в Тегеране «не видят большой разницы между советским социализмом и капитализмом Америки». Письмо С. Готбзаде стало наглядным отражением уже прочно укоренившегося в лексиконе руководства Исламской Республики Иран тезиса о Соединенных Штатах как «большом сатане», а о Советском Союзе – как о «малом». Отсюда вытекал и главный внешнеполитический лозунг Тегерана – «Ни Восток, ни Запад, Исламская Республика».

Надо сказать, что антисоветские взгляды и нарративы изначально были присущи ряду проамерикански настроенных деятелей, просочившихся в окружение Р. М. Хомейни еще во Франции. Они играли заметную роль в политической жизни страны в первые послереволюционные годы. Лидер революции, как и многие представители религиоз-

ного-политического руководства ИРИ, был сильно индокринирован недоверием и подозрительностью к «безбожному» СССР. На эту почву хорошо ложились сентенции западных стран об «идеологической несовместимости» и «взаимной враждебности» ислама и социализма, а также вымыслы о «вмешательстве Москвы» во внутренние дела Ирана. Не проходило и дня, чтобы подобные «утки» не появлялись в иранских СМИ, на радио и телевидении с подачи «достоверных» западных источников.

Ввод ОКСВ в Афганистан и непоследовательная позиция Москвы в ирано-иракском вооруженном конфликте только усиливали антисоветские настроения и были на руку регрессивным политическим силам в Иране. Становилось очевидным, что дружественное, доброжелательное отношение СССР к Иранской революции и новому иранскому режиму, стремление Москвы к развитию отношений добрососедства и всестороннего сотрудничества не находили благоприятного отклика и взаимности со стороны новых иранских властей.

Нагнетая атмосферу антисоветских настроений, правящие круги ИРИ осуществили ряд шагов по свертыванию политических, культурных и других связей с СССР. Летом 1980 г. по требованию иранских властей было закрыто советское консульство в Реште и на 14 чел. сокращена численность дипсостава посольства. Прекратила существование больница Советского общества Красного Креста и Полумесяца, основанная в Тегеране во времена Второй Мировой войны, где иранцы, в основном малоимущие, лечились бесплатно. Перестало функционировать Иранское общество культурных связей с СССР. Его руководитель Форухани, блестящий знаток русского языка и литературы, был арестован и казнен. Завершили работу курсы русского языка, отделения Ингосстраха и Русско-Иранского банка.

Вместе с тем власти ИРИ не скрывали заинтересованности в сохранении и развитии торгово-экономического сотрудничества с СССР, которое помогало преодолевать многие проблемы экономического развития и санкционных ограничений западных стран. Продолжались работы по расширению Исфahanского металлургического завода, машиностроительного завода в Араке, строительству новой очереди ТЭС в Ахвазе. В Иране продолжали работать около 2 000 советских специалистов. Неуклонно рос и объем двусторонней торговли. СССР продолжал оставаться важным транспортным коридором между Ираном и Европой.

Ирано-иракская война

22 сентября 1980 г. Ирак начал войну с Ираном. Этому предшествовали обмен взаимными претензиями и обвинениями во враждебных намерениях и приграничные провокации с обеих сторон. Саддам Хусейн полагал, что иранская армия, ослабленная и дезорганизованная многократными чистками и арестами офицерского состава, не сможет оказать сопротивления отобюрократизованной и хорошо вооруженной армии Ирака. Он также рассчитывал, что арабское население приграничной провинции Хузестан восстанет против нового иранского режима.

Однако Р. М. Хомейни и религиозно-политическое руководство ИРИ, активно используя понятный верующему населению и уже обкатанный в ходе развития революции нарратив о героическом сопротивлении последнего шиитского имама Хусейна суннитскому узурпатору Язиду, сумели быстро мобилизовать иранцев на защиту страны.

Иракская агрессия пробудила сильные национально-патриотические чувства иранцев, сплотила их вокруг религиозно-политического руководства страны.

Не сбылись и надежды иракского президента на восстание национальных окраин.

Несмотря на потерю в первые месяцы войны города Хорремшехра и ряда приграничных районов, иранцы в конечном счете сумели остановить дальнейшее продвижение иракцев, перейти в контрнаступление и отвоевать территории, захваченные иракской армией. Все это удалось сделать ценой огромных жертв, прежде всего среди брошенных против регулярной иракской армии не имевших боевого опыта отрядов КСИР и народного ополчения «Басидж». Первоначально неся большие потери, они постепенно приобретали военный опыт и боевую слаженность и сумели, вместе с боеспособными армейскими частями, переломить ход военных действий в свою пользу. Однако добиться окончательной победы не удалось ни одной из сторон конфликта.

Нападение Ирака на Иран застало СССР врасплох и поставило его в двусмысленное положение. Багдад нарушил ст. 8 Советско-иракского договора о дружбе и сотрудничестве, которой предусматривались двусторонние консультации в случае возникновения угроз безопасности сторон и необходимости принятия мер по их устранению. В ситуации, когда Москва поддержала Иранскую революцию и прилагала усилия по развитию дружественных, добрососедских отношений с ИРИ, иракская агрессия нанесла удар по этим усилиям и способствовала усилению антисоветских настроений. И хотя СССР прекратил, правда временно, военные поставки Ираку и даже впоследствии поставил в Иран определенную военную технику, иранцы не могли не реагировать на то, что иракские летчики бомбят иранские города на самолетах советского производства, а иракская армия использует ракетные установки и военную технику, поставленную Советским Союзом.

Ирано-иракская война добавила негатива в советско-иранские отношения, и без того отягощенные вводом ОКСВ в Афганистан. Официальные контакты с иранцами были ограничены беседами в МИДе Ирана в основном по вопросам жизнеобеспечения посольства. Одной из редких встреч с представителями руководства страны стала встреча советского посла с председателем меджлиса А. А. Хашеми Рафсанджани, который, как показало время, был наиболее прагматичным и реалистически мыслящим иранским политиком. В ходе беседы он, конечно, не мог не высказать критические замечания по поводу действий СССР в Афганистане и взаимоотношений Москвы с С. Хусейном. Но вместе с тем он отметил, что все войны рано или поздно заканчиваются, и заявил, что хотел бы посетить Советский Союз, но, конечно, после появления благоприятных условий для этого. (А. А. Хашеми Рафсанджани стал первым из руководителей ИРИ, посетившим нашу страну с официальным визитом летом 1989 г.)

Ближе к окончанию беседы раздалась выстрелы зенитных орудий. Иранец вскочил, подбежал к окну и, указывая в небо, заявил, что видит «спускающегося на парашюте сбитого иракского летчика».

Война с Ираком не могла не сказаться на повседневной жизни иранцев. Начиная с первых дней войны иракцы регулярно подвергали ракетным обстрелам Тегеран и другие иранские города. По несколько раз в течение дня ревели сирены воздушной тревоги. Везде была введена светомаскировка, и ночные патрули пасдаров жестко проверяли ее соблюдение. Начались перебои с поставками топлива и нефтепродуктов с южных нефтеперерабатывающих предприятий. Стало не хватать продуктов питания и товаров первой необходимости, была введена карточная система их распределения.

Все эти проблемы затронули и иностранный дипломатический корпус, в том

числе советское посольство. Его сотрудникам, прежде всего женщинам, приходилось обходить множество лавок и магазинчиков в поисках продуктов питания, нередко добывая их только при добром расположении и симпатии владельцев. Лишь спустя много месяцев иранский МИД наладил снабжение дипкорпуса продуктами.

Первый президент ИРИ: от восхождения до свержения

25 января 1980 г. в Иране прошли первые президентские выборы. Победу в них одержал человек из ближнего круга Р. М. Хомейни – А. Банисадр, набрав 75 % голосов. Серьезных соперников у него не было. Видные представители либеральных кругов, включая М. Базаргана, были дискредитированы в ходе кризиса с американскими заложниками, а наиболее популярный представитель левodemократических сил руководитель ОМИН Масуд Раджави не был допущен к выборам под предлогом отказа участвовать в референдуме по Конституции ИРИ. Потенциально сильный конкурент, председатель ИРП М. Бехешти, не участвовал в выборах по совету лидера революции, который не спешил продвигать представителей духовенства на высшие государственные посты.

А. Банисадр был выходцем из семьи известного религиозного деятеля, знакомого с Р. М. Хомейни. Он окончил теологический и юридический факультеты Тегеранского университета. Принимал участие в антишахском студенческом движении, был активистом Национального фронта, сидел в тюрьме. Выехав во Францию, учился в Сорбонне, где изучал экономику и финансы. У него сложилось собственное представление о принципах государственной власти и роли ислама в социально-экономической и общественно-политической жизни. А. Банисадр считал, что в исламском государстве не должно быть жестких адми-

нистративных структур с сильной концентрацией власти, никаких классов и доминирующей идеологии, которую власти могли бы использовать как карающую дубину. Народ должен контролировать руководителей через сеть мечетей. Исламское общество должно иметь имама – вождя, который, однако, не должен представлять какой-либо класс или иметь особые интересы, быть идолом со своим культом личности, иначе наступит религиозная тирания.

Подобные принципиальные расхождения по вопросу об исламском государстве на первых порах не помешали А. Банисадру сблизиться с Р. М. Хомейни. А. Банисадр был активным сторонником и проводником идей великого аятоллы, укрепляя его репутацию как ведущего религиозного авторитета. Р. М. Хомейни, в свою очередь, благосклонно относился к А. Банисадру и даже называл его «преданным сыном». Сразу же после президентских выборов он заявил о необходимости поддерживать главу государства как народного избранника. Этой же линии стали придерживаться и другие религиозные деятели.

А. Банисадр был уверен, что массовая поддержка на президентских выборах гарантирует ему свободу действий по обеспечению контроля над всеми важнейшими государственными структурами. Он также рассчитывал на полную поддержку своих действий со стороны Р. М. Хомейни и полагал, что победа на выборах означает поражение исламских радикалов в лице ИРП. Но М. Бехешти и другие руководители ИРП придерживались иной позиции. Формально соглашаясь с указаниями лидера революции о сотрудничестве с президентом, они в публичных выступлениях заявляли о частичной и условной поддержке А. Банисадра, отмечая, однако, что он неспособен руководить революционной страной, каковой является ИРИ, ввиду при-

сущего ему либерализма и связей с такими деятелями, как М. Базарган. Было заявлено, что ИРП будет поддерживать президента только в том случае, если он «встанет на революционный исламский путь», иначе он столкнется с критикой и сопротивлением со стороны «истинных патриотов». Так обозначились контуры противостояния президента и исламских радикалов, которое постепенно набирало силу.

Исходя из завышенных, как оказалось, оценок своих шансов, А. Банисадр вынашивал честолюбивые и далеко идущие планы. Он намеревался реорганизовать армию и полицию, покончить с многочисленными властными структурами в лице революционных советов, революционных комитетов и других стихийно возникших после революции организаций, ограничить влияние КСИР, а также контролировать работу парламента и правительства.

Р. М. Хомейни достаточно долго поддерживал многие инициативы президента, делегировал ему значительные полномочия. Он назначил А. Банисадра Верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, членом ИРС, поручил курировать КСИР, Организацию радио и телевидения. 20 марта в новогоднем обращении лидер Исламской революции призвал революционные суды действовать в рамках Конституции, а революционные комитеты и революционные советы – распустить вооруженные формирования и интегрироваться в соответствующие госструктуры.

Первой серьезной пробой сил между А. Банисадром и председателем ИРП стали выборы в новый парламент. В ходе развернувшейся активной пропагандистской кампании М. Бехешти и его сторонники, как это уже не раз было, эффективно использовали привычные инструменты: разветвленную сеть мечетей, исламские организации и группировки и подконтрольные СМИ для продвижения своих кандидатов и компро-

метации баллотировавшихся представителей либеральных партий, поддерживаемых А. Банисадром. Кроме того, уже многие избранные пропрезидентские депутаты не были утверждены Советом стражей Конституции. Вполне закономерно большинство мест в меджлисе получили сторонники ИРП, а его спикером был избран А. А. Хашеми Рафсанджани, ставший впоследствии президентом ИРИ.

Острая схватка развернулась и за пост премьер-министра. Еще до парламентских выборов президент пытался добиться согласия лидера революции на назначение главы правительства президентским указом. Претерпев неудачу, А. Банисадр предложил на пост премьера сына Р. М. Хомейни, Ахмада, но снова получил отказ. Так и не сумев продвинуть в премьеры лояльную ему кандидатуру, президент ИРИ был вынужден согласиться с назначением на этот пост сторонника ИРП М. А. Раджаи, малоизвестного учителя и директора школы Рефах, в которой была резиденция Р. М. Хомейни по возвращении из Франции. Между А. Банисадром и М. А. Раджаи сразу же сложились напряженные отношения. Президент публично обвинял премьера в некомпетентности, отсутствии управленческих навыков, слепом выполнении указаний М. Бехешти и А. А. Хашеми Рафсанджани.

Еще более жесткая борьба началась между президентом и премьером по вопросу формирования правительства. А. Банисадр настаивал на назначении министрами квалифицированных технократов, получивших образование в западных университетах, в то время как М. А. Раджаи, следуя указаниям Р. М. Хомейни и М. Бехешти, хотел видеть в кабинете министров пусть и не имеющих высокой квалификации и большого опыта, но «преданных исламу и революции» людей. Таких кандидатов он и представил президенту в сентябре, но тот «забраковал» 14 чел. из 21. В таком «усе-

ченном» составе меджлис утвердил новое правительство. Борьба за остальные посты, в том числе такие важные, как главы министерств иностранных дел, финансов, юстиции, торговли и образования, продолжалась еще несколько месяцев, а к руководству «зависших» ведомств в качестве временных начальников пришли назначенцы М. А. Раджаи и М. Бехешти.

Это происходило на фоне постоянных полемических перепалок между А. Банисадром и лагерем его противников и в ходе публичных выступлений на массовых митингах, и на страницах подконтрольных им СМИ. Тон взаимных нападок все больше ужесточался. Президент обвинял руководство ИРП и поддерживающие его исламские организации в нападениях на его деятельность, а премьер-министра – в некомпетентности и неспособности решать социально-экономические проблемы. Оппоненты А. Банисадра ставили ему в вину вмешательство в работу правительства и попытки препятствовать чистке армии и госструктур от «прозападных и монархических элементов». К осени 1980 г. стало очевидным, что А. Банисадр проигрывает ИРП и ее клерикальным сторонникам во внутривнутриполитической борьбе. Ему не удалось добиться контроля над меджлисом и правительством. С назначением М. Бехешти главой судебной власти из зоны влияния президента вышла и юридическая система. Он сдал позиции в армии, КСИР, на радио и телевидении, где на руководящие посты пришли его оппоненты.

Лидер революции неоднократно и достаточно долго пытался примирить А. Банисадра с М. А. Раджаи, М. Бехешти и другими оппонентами, организовывал совместные встречи с целью разрешения копившихся противоречий. Последняя такая встреча состоялась 15 марта 1981 г. Р. М. Хомейни пригласил к себе А. Банисадра, М. А. Раджаи, М. Бехешти,

А. А. Хашеми Рафсаджани, А. Хаменеи и Генерального прокурора М. Ардебилли. Он призвал конфликтующие стороны прекратить междоусобицу, угрожая наказать тех, кто ослушается его воли. Прийти к компромиссу, однако, не удалось. Президент обвинил ИРП, парламент и правительство в создании проблем в работе и призвал распустить их. Оппоненты, в свою очередь, заявили о его «диктаторских замашках» и невозможности продуктивной деятельности, пока он не признает легитимность других органов власти и ограниченность своих полномочий.

На следующий день лидер Исламской революции выпустил заявление, в котором потребовал от сторон конфликта прекратить проведение митингов и публикацию статей, разжигающих противоречия, до окончания войны с Ираком, подтвердил полномочия А. Банисадра как Верховного главнокомандующего вооруженными силами ИРИ. Он также поручил создать комиссию из представителей А. Банисадра, М. Бехешти и своего уполномоченного для разрешения противоречий, а контроль за соблюдением указаний возложил на министра внутренних дел М. Р. Махдави Кяни и своего зятя Шехабаддина Эшраги.

Перемирие долго не продлилось, и стороны возобновили взаимные нападки. Президент стал излагать жалобы в форме писем на имя трехсторонней комиссии и Генпрокуратуры, а также публиковал их в пропрезидентской газете «Джомхуриэ Эслами». Уже в июне он вернулся к публичным критическим выступлениям. Это разозлило Р. М. Хомейни. Великий аятолла перестал придерживаться формально нейтральной линии в отношении конфликтующих сторон. Явно обращаясь к президенту, 27 мая он заявил, что народу враждебен культ личности, и тот, кто отказывается принимать суверенитет парламента и других государственных органов, является

коррупцированным лицом и подлежит наказанию. А. Банисадр ответил, что будет всеми ему доступными средствами призывать население «сопротивляться диктатуре». Р. М. Хомейни подчеркнул, что диктатор – тот, кто не подчиняется решениям парламента и судебной власти. Он призвал президента отказаться от поощрения организации демонстраций, забастовок и других антиправительственных акций и пригрозил, что «отрубит руку любому, кто станет угрозой исламской республике». А. Банисадр заявил, что Р. М. Хомейни ведет революцию к самоубийству, вручая власть «жаждущим господства врагам», и вновь потребовал роспуска парламента и реформатирования правительства и Высшего юридического совета.

Р. М. Хомейни снял А. Банисадра с поста Верховного главнокомандующего вооруженными силами страны. Высшие военные чины отдали должное президенту как «преданному солдату ислама и Ирана», но вместе с тем подтвердили преданность лидеру революции, стремление оставаться вне политики и отдать все силы вооруженной борьбе с Ираком. А. Банисадра стали покидать его советники и сотрудники президентского офиса. Президентский дворец был взят под охрану полицией под предлогом обеспечения безопасности.

А. Банисадр распространил «послание к народу», в котором защищал свои действия, заявлял, что стал жертвой «ползучего переворота», обвинив оппонентов в измене революции и подавлении демократических прав и свобод. Все еще надеясь, что Р. М. Хомейни не отвернется от него окончательно, президент в личных посланиях аятолле говорил об уважении и преданности ему и делу революции.

Между тем участились уличные стычки между сторонниками ИРП и их противниками из числа буржуазных националистов и леводемократических сил, поддержива-

ющих А. Банисадра. Национальный фронт планировал проведение митинга 15 июня на площади Фирдоуси с участием представителей среднего класса, торговцев базара и левых организаций. Было распространено более 4 млн листовок, в которых впервые содержались прямые нападки на Р. М. Хомейни «за поощрение репрессий и террора» и выражалась солидарность с президентом.

За несколько часов до митинга великий аятолла в радиообращении охарактеризовал предстоящее мероприятие как призыв к восстанию против Исламской революции. Он обвинил Нацфронт в измене и призвал другие политические организации, в частности возглавляемое М. Базарганом «Движение за свободу Ирана», отмежеваться от Нацфронта и осудить его. Бескомпромиссной была и критика вождем революции президента А. Банисадра, который был обвинен в антиконституционной деятельности и разжигании фракционной борьбы. Р. М. Хомейни еще не успел закончить выступление, как тысячи «хезболлаховцев», членов исламских ревкомов и стражей Исламской революции, а также жителей бедных южных районов Тегерана, мобилизованных ИРП, хлынули к площади Фирдоуси и сорвали митинг. Подавляющим большинством голосов меджлис 21 июня подверг А. Банисадра импичменту, а днем спустя Р. М. Хомейни уволил его с поста президента. А. Банисадр 29 июля вместе с руководителем ОМИН М. Раджави бежал в Париж на «боинге» ВВС Ирана.

Поражение А. Банисадра было обусловлено целым рядом причин. Он ошибочно полагал, что Р. М. Хомейни будет поддерживать его во всем, прежде всего в борьбе за контроль над главными структурами и центрами власти. Однако неготовность президента идти на компромиссы, его попытки парализовать деятельность правительства и других госорганов, нежелание

прислушиваться к советам разочаровали вождя Исламской революции.

Экс-президент становился опасным центром объединения оппозиционных исламскому режиму сил – либералов, моджахедов, неполитизированной части духовенства, представителей национальных окраин. Понимая это, Р. М. Хомейни сделал окончательную ставку на преданных ему «подлинно революционных силах» в лице ИРП, исламских комитетов, ревкомов, КСИР, глубоко религиозных городских низов – «хезболлаховцев». В октябре 1981 г. новым президентом ИРИ был избран член руководства ИРП А. Хаменеи (впоследствии он сменил Р. М. Хомейни на посту Верховного руководителя страны), а новым премьер-министром был назначен другой функционер ИРП – Мир-Хосейн Мусави.

Революция пожирала своих сыновей

В стремлении свергнуть монархический режим Р. М. Хомейни не отказывался от поддержки всех антишахских партий, организаций и группировок – от либерально-националистических до леводемократических. Однако после победы революции великий аятолла стал избавляться от не согласных с его видением государственного устройства страны.

Сначала было дискредитировано связями с США и отстранено даже от формальной власти либеральное правительство М. Базаргана. Начались гонения на поддерживающие его буржуазно-националистические партии «Движение за свободу Ирана», «Национально-демократический фронт» и другие организации. Был свергнут и их последний оплот – президент А. Банисадр.

Затем наступила очередь леводемократических организаций, наиболее массовой и влиятельной из которых была ОМИН. Р. М. Хомейни и его сторонники справедливо считали ее наиболее опасной, поскольку

она имела собственные вооруженные отряды, активно оперировала религиозными терминами, исламскими лозунгами социальной справедливости наряду с тезисами марксизма, выступала за превращение Ирана в демократическую республику, пользовалась растущим авторитетом среди молодежи, особенно студенчества. Моджахеды внесли важный вклад в победу Иранской революции, активно участвуя в решающих вооруженных схватках с шахской армией и полицией в начале февраля 1979 г.

ОМИН признала Р. М. Хомейни вождем революции, рассчитывая, что он не будет препятствовать встраиванию организации в общественно-политическую жизнь страны, ее легальной политической деятельности. Но великий аятолла хорошо понимал всю опасность идеологии и политической деятельности моджахедов для встраивания исламского режима. Руководитель ОМИН М. Раджави не был допущен к участию в президентских выборах под предлогом неучастия в референдуме по проекту Конституции ИРИ. Моджахеды были отстранены и от выдвижения кандидатов на выборах депутатов меджлиса. Кампания по «исламизации» иранских университетов вылилась в преследование сторонников ОМИН и их вытеснение из вузов страны.

Несмотря на это, ОМИН продолжала наращивать антирежимную активность, опираясь на поддержку молодежи и части демократически настроенной интеллигенции. Она организовывала многотысячные митинги и демонстрации с осуждением антидемократических действий властей, а также в поддержку президента А. Банисадра, которого считала союзником в борьбе с ИРП и ее сторонниками. Эти выступления разгонялись стражами Исламской революции, боевиками исламских революционных организаций и «хезболлаховцами». Участников леводемократических группи-

ровок арестовывали, штаб-квартиры подвергались нападениям и погромам.

Не видя перспектив легальной политической деятельности и испытывая растущее насилие со стороны режима, 18 июня 1981 г. руководство ОМИН призвало сторонников к «революционному сопротивлению во всех формах» и «свершению правосудия» в отношении противников. По существу, это было шагом отчаяния и приглашением к городской партизанской войне. Уже через десять дней мощный взрыв потряс штаб-квартиру ИРП во время заседания руководства. Погибли Генеральный секретарь партии М. Бехешти, 4 члена правительства, 27 депутатов меджлиса.

Еще один взрыв прогремел 29 августа в здании правительства. Погибли только что избранный президент М. А. Раджаи, новый премьер-министр Мохаммад Джавад Бахонар, начальник полиции Хушанг Дастгерди. Еще через неделю, также при взрыве, погиб Генеральный прокурор Али Годдуси. В течение летних месяцев были совершены покушения на руководителей пятничных намазов в Тебризе, Кермане, Ширазе, Йезде, Керманшахе и других городах.

С началом сентября в стране стали происходить регулярные вооруженные столкновения моджахедов с бойцами КСИР. Участники ОМИН присоединялись к вооруженным выступлениям курдских и кашкайских племен против центрального правительства. Власти усилили репрессии против моджахедов. Проходили массовые аресты и расстрелы арестованных, в том числе раненых и малолетних сторонников ОМИН. Международная организация «Эмнисти Интернэшнл» задокументировала более 3 000 расправ за год после импичмента президенту А. Банисадру. ОМИН заявила о 7 700 погибших с июня 1981 по конец 1892 г.

К концу 1982 г. сопротивление ОМИН было подавлено. Расчет левых сил на под-

держку населением партизанской войны не оправдался. Многие сторонники моджахедов были убиты или оказались в тюрьмах. Другие бежали в Ирак и страны Европы. Такая же судьба ждала членов и сторонников «Организации партизан-федайнов иранского народа».

Чуть дольше продержалась Народная партия Ирана (Туде). Хотя иранские коммунисты неизменно поддерживали Р. М. Хомейни, сотрудничали с ИРП, критиковали М. Базаргана и А. Банисадра, осуждали антирежимную деятельность ОМИН, конец их деятельности был предрешен. Расправу над Туде ускорило предательство сотрудника резидентуры КГБ в Тегеране В. А. Кузичкина, который в июне 1981 г. бежал в Великобританию и выдал многих функционеров иранской компартии. Были арестованы Генеральный секретарь Туде Нуреддин Киянури, другие руководители партии, а также тысячи ее членов. Они были обвинены в шпионаже в пользу СССР и в попытках свергнуть исламский режим. Власти устроили показательные процессы над руководителями и рядовыми членами Туде, вынудив их публично признаться в «преступлениях» против исламской республики. Дальнейшая судьба иранских коммунистов мало чем отличалась от судьбы членов других леводемократических организаций.

Ситуация с леводемократическими участниками революции совпала по времени с завершением моей командировки в Иран. Остались позади более пяти лет интересной, интенсивной и все более напряженной работы и жизни сначала в спокойном, успешном шахском Иране, а затем в уже другой стране, неожиданно вздыбленной волнами революции.

Я был свидетелем всех этапов Иранской революции и могу с уверенностью сказать, что определяющая роль в ней принадлежит Р. М. Хомейни. Его последовательная

бескомпромиссная позиция в отношении шахского режима, резкое неприятие американского доминирования, умелое использование исламской риторики и религиозных смыслов позволили завоевать безоговорочный авторитет и обеспечить роль лидера революции. Используя разветвленную сеть мечетей и поддержку теологических центров, а затем и созданные в ходе революции многочисленные исламские организации и структуры, а также новые органы власти, великий аятолла целенаправленно, шаг за шагом реализовывал концепцию создания исламского государства, не жалея тех, кто вставал на его пути.

Заключение

Исламская революция в Иране явилась, несомненно, важным событием XX в., оказавшим влияние на развитие политических процессов в регионе и в мусульманском мире, да и на мировые политические процессы в целом. Прошло более 40 лет с того времени. Ее результатом стало создание довольно устойчивой государственности, сочетающей теократические и демократические элементы и способной успешно купировать как внешние, так и внутренние угрозы. Иран выстоял в ожесточенной военной схватке с саддамовским Ираком. Не согнулся под нарастающей тяжестью американских санкций. Сумел выжить в условиях жесткой экономической блокады и международной изоляции.

Антиамериканизм и сегодня остается одной из главных составляющих офици-

альной политической идеологии режима ИРИ, равно как и враждебное отношение к Ирану любой администрации США. Вашингтон до сих пор не может избавиться от комплекса унижения и бессилия, испытанного им после свержения шахского режима и захвата в заложники сотрудников американского посольства в Тегеране.

Время неумолимо движется вперед. Уходят соратники и ближнее окружение Р. М. Хомейни. Сменяются поколения, и молодые иранцы знают о революционных событиях скорее понаслышке. Их больше волнуют сегодняшние проблемы: получение современного образования, хорошая работа и достойные условия жизни. Интернет и новейшие технологии, растущая взаимосвязанность мира меняют политические и культурные стереотипы и прежние архаичные модели поведения. Среди населения Ирана, уставшего от инфляции, безработицы и роста цен, усиливаются протестные настроения. Все чаще звучат требования решительных мер по выходу из социально-экономического кризиса, в том числе через преодоление международной изоляции. В стране есть политические силы, готовые осуществить такую повестку дня. Нынешнее консервативное религиозно-политическое руководство ИРИ не может не видеть растущего протестного потенциала и, судя по всему, начинает задумываться о возможных путях стабилизации обстановки. Будут это силовые или компромиссные развязки, покажет ближайшее будущее.

Список источников

1. Агаев С. Л. Иран в прошлом и настоящем: пути и формы революционного процесса. М., 1981. 270 с.
2. Агаев С. Л. Иран: рождение республики. М., 1984. 336 с.
3. Алиев С. М. Президентские выборы, выборы в Меджлис, формирование конституционного правительства // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 212–218.
4. Алиев С. М. Разработка и принятие конституции Исламской Республики Иран: ее содержание // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 201–209.

5. *Арабаджян А. З.* Монархия, конституция и конституционные свободы // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 26–30.
6. *Арабаджян А. З.* Исламская Республика Иран: Экономический потенциал: первая половина 90-х годов. М.: Вост, лит., 2002. 384 с.
7. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки / отв. ред. А. З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. 557 с.
8. *Кузнецова Н. А.* Основные этапы иранской революции 1978–1979 гг. // Иранская революция 1978–1979 гг. и проблемы социально-политического развития страны. Специальный бюллетень. М., 1980. № 5 (212).
9. *Пластун В. Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 711 с.
10. *Резников А. Б.* Иран: падение шахского режима / предисл. и общ.ред. Р. А. Ульяновского. М.: Политиздат, 1983. 160 с.
11. *Филин Н. А.* Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008 гг.) М.: РГГУ. 2012. 284 с.
12. *Филин Н. А.* Стабильность или нестабильность политической системы современного Ирана // Иран: культурно-историческая традиция и динамика развития. М., 2006. С. 162–164; 327–329.
13. *Шестаков А. П.* Борьба за власть в правящих кругах ИРИ и ускорение экстремистских тенденций власти // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 296–304.

References

1. *Agaev S. L.* Iran in the past and present: paths and forms of the revolutionary process. Moscow, 1981, 270 p. (In Russ.)
2. *Agaev S. L.* Iran: the birth of a republic. Moscow, 1984, 336 p. (In Russ.)
3. *Aliiev S. M.* Presidential elections, elections to the Mejlis, formation of a constitutional government. In book: Iranian revolution 1978–1979. Reasons and lessons. Moscow, 1989, P. 212–218. (In Russ.)
4. *Aliiev S. M.* Development and adoption of the constitution of the Islamic Republic of Iran: its contents. In book: Iranian revolution 1978–1979. Reasons and lessons. Moscow, 1989, P. 201–209. (In Russ.)
5. *Arabajyan A. Z.* Monarchy, constitution and constitutional freedoms. In book: Iranian revolution 1978–1979. Reasons and lessons. Moscow, 1989, P. 26–30. (In Russ.)
6. *Arabajyan A. Z.* Islamic Republic of Iran: Economic potential: the first half of the 90s. Moscow, 2002, 384 p. (In Russ.)
7. Iranian Revolution 1978–1979. Reasons and lessons. Ed. A. Z. Arabajyan. Moscow, 1989, 557 p. (In Russ.)
8. *Kuznetsova N. A.* Main stages of the Iranian revolution of 1978–1979. Iranian revolution 1978–1979. and problems of socio-political development of the country. Special Bulletin. 1980; 5 (212). (In Russ.)
9. *Plastun V. N.* Evolution of the activities of extremist organizations in the countries of the East. Novosibirsk, 2002, 711 p. (In Russ.)
10. *Reznikov A. B.* Iran: the fall of the Shah's regime. Ed. R. A. Ulyanovsky. Moscow, 1983, 160 p. (In Russ.)
11. *Filin N. A.* Socio-historical development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008) (RGGU), 2012, 284 p. (In Russ.)
12. *Filin N. A.* Stability or instability of the political system of modern Iran. Iran: cultural-historical tradition and dynamics of development. Moscow, 2006, P. 162–164; 327–329. (In Russ.)
13. *Shestakov A. P.* The struggle for power in the ruling circles of Iran and the acceleration of extremist tendencies in power. In book: Iranian revolution 1978–1979. Reasons and lessons. Moscow, 1989, P. 296–304. (In Russ.)

Поступила 30.08.2023.

Сведения об авторе

Марьясов Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», Чрезвычайный и Полномочный Посол, Посол Российской Федерации в Исламской Республике Иран с 2001 по 2005 г. (Москва, Россия).

E-mail: alexander.mariyasov@gmail.com

Submitted 30.08.2023.

About the author

Alexander G. Maryasov – Cand. Sci. (History), Expert of the Valdai International Discussion Club, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Ambassador of the Russian Federation to the Islamic Republic of Iran from 2001 to 2005 (Moscow, Russia).

E-mail: alexander.mariyasov@gmail.com